Créme de la Créme

Гертруда Стайн

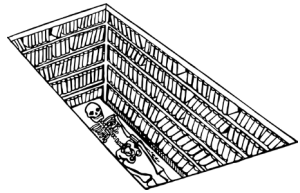
ИДА

Перевод с английского
Ильи Басса

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 США

42 †



Gertrude Stein
Ida

Редактор: Анастасия Грызунова
Обложка: Алексей Кропин
Корректор: Дмитрий Волчек
Верстка: Сергей Фёдоров
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

В оформлении обложки использована фотография герцога и герцогини Виндзорских, сентябрь 1939 года

© Илья Басс, перевод, 2015
© Kolonna Publications, 2016

ISBN 978-5-98144-217-9

Предисловие переводчика

10 декабря 1936 года английский король Эдуард VIII подписал отречение от престола ради того, чтобы жениться на Уоллис Симпсон. Известие об этом стало мировой сенсацией. Журнал «Тайм» объявил Уоллис Симпсон «человеком года». Эта история привлекла внимание Гертруды Стайн. Упомянув ее в «Автобиографии каждого», в начале лета 1937 Стайн решила написать роман «Ида», героиней которой стала бы Симпсон.

В письмах друзьям Стайн рассказывает о своем замысле. В письме от 17 мая 1937 Торнтону Уайлдеру она предлагает:

> Послушай, возможно я сочиню роман о тебе и назову его «Ида», о тебе или миссис Симпсон. Думаю, наступило время написать роман; миссис Симпсон не представляет для меня загадки, а вот ты – да, но я вижу, где и она может послужить мне загадкой, возможно, я напишу этот роман тоже, приезжай, Торнтон, приезжай, я могу сделать его гораздо лучше с твоими комментариями. Сейчас, когда «Автобиография [каждого]» написана, я должна его сделать, я уже начала писать роман «Ида».

Все, написанное Стайн в конце 1930-х годов, так или иначе связано с проблемой самоидентификации личности в обществе. Она касается этой проблемы в «Географической истории Америки» и других произведениях того времени. Каков был первоначальный замысел Стайн, сказать невозможно, но, судя по письмам, можно судить, что работа над «Идой» давалась ей нелегко. Стайн неоднократно призывала Уайлдера сотрудничать с нею в работе над романом:

> Я обожаю слово сотрудничать и всегда, всегда стремилась к этому, а теперь, о Торнтон, не согласишься ли ты, не согласишься ли сотрудничать в работе над «Идой», мы обязаны сделать ее вместе… написать настоящий роман мне одной чересчур трудно, мы должны написать его вместе.
>
> (18 июня 1937)

Уайлдер под разными предлогами уклонялся. Его вкладом можно считать рекомендации, изложенные в беседах со Стайн и в их переписке*.

Летом 1938 года, разочаровавшись в первоначальном замысле «Иды», Стайн начала перерабатывать роман.

Издатель Беннет Сэрф, который уже несколько лет дожидался обещанной книги,

---

* Все-таки Стайн удалось уговорить Уайлдера написать вступление к ее книге «Географическая история Америки».

поинтересовался состоянием рукописи. Вот что ответила Стайн:

> Скажу тебе, Беннет, я ничего не могу сказать о романе, работала над ним, неоднократно переписывала и в настоящий момент половина или три четверти сделаны, и я в самом деле ничего не могу сказать о нем; тебе обычно известно, я знаю, что я знаю, и я пишу об этом, но на сей раз я работала над ним, пока меня не охватило беспокойство. Оригинально роман был основан на характере, близком герцогине Виндзорской, то есть известности, публичности, а затем добавилось кое-что; как бы там ни было, посылаю тебе то, что более-менее закончено.

Прочитанное Сэрфу понравилось, Стайн с энтузиазмом продолжила работу над романом и завершила его в 1940 году. Издательство «Рэндом Хаус» опубликовало книгу в феврале 1941 года. Было распродано 1700 экземпляров. Известно, что Стайн отправила один экземпляр герцогине Виндзорской.

«Ида» – вещь, строго говоря, бессюжетная. Пытаясь объяснить фабулу романа, Торнтон Уайлдер в отчаянии написал: «Что касается „сюжета“, я застрял как мул в болоте». Героиня переживает несколько трансформаций. Рано оставшись без родителей, она создает образ близняшки, несколько раз выходит замуж, а затем предстает в образе спутницы короля, отрекшегося от престола. Ида окружена людь-

ми. В образе близняшки Винни она пользуется успехом у мужчин, затем следует за своими мужьями (предположительно пятью), а став супругой Эндрю (сиречь Эдуарда VIII), принимает у себя гостей. Ее общественное положение основывается не на том, что она делает, а на том, кто она есть.

Странные события сопровождают жизнь Иды, люди появляются и исчезают, меняются мужчины, некоторые становятся ее мужьями. Ида уезжает и приезжает, постоянно сталкиваясь с проблемой самоидентификации, которая до конца, похоже, не была разрешена ни героиней романа, ни самой Стайн.

Ида – повествование о женщине, чье присутствие неизменно вызывает реакцию окружающих. Критические аллюзии, навеянные романом, связаны с идентификацией личности, портретом герцогини Виндзорской, дилеммой самой Стайн как знаменитого писателя. Некоторые исследователи выделяют феминистский аспект романа.

Хотя Стайн в своих письмах неоднократно ссылается на Уоллис Симпсон, не следует искать параллели в историях Иды и ее прототипа. Ида – не герцогиня Винздорская, а просто женщина, пытающая самостоятельно выбрать свой путь.

Темп романа рваный, неровный. Особенно заметна разница между Первой и Второй Половинами. В Первой Половине молодая Ида путешествует по свету и меняет мужей. Во Вто-

рой она живет только с Эндрю, динамика ее передвижений приобретает внутренний характер. Текст включает зарисовки, написанные Стайн в разное время в качестве самостоятельных произведений.

Читатели «Иды» могут воспользоваться рекомендациями критика журнала «Тайм» (февраль 1941 года):

- читать внимательно, но не требовать в каждом случае смысла;
- читать вслух;
- читать как поэму или слушать как музыку: несколько раз;
- читать только ради удовольствия. В противном случае оставить чтение.

Воспользуйтесь и советом Стайн: «Ида решила, что разговаривать будет только с собой. Любой мог стоять рядом и слушать, но лично она собиралась разговаривать только с собой».

Илья Басс

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

Часть первая

Родился младенец, названный Идой. Мать удерживала его руками, чтобы Ида не рождалась, но пришло время, пришла и Ида, а с ней пришла и ее двойняшка, так появилась Ида-Ида.

Мать была нежной и ласковой, и отец тоже. Вся семья была нежной и ласковой, кроме двоюродной бабки. Та была единственным исключением.

Одна старуха, не родственница, знавшая двоюродную бабку молодой, постоянно рассказывала: с бабкой что-то произошло много, мол, много лет назад, какой-то солдат был замешан, бабка родила двоих близнецов, а затем она тихонько, близнецы-то были мертвые, родились такими, похоронила их под грушей и никто не дознался

Никто не верил старухе, может, это было правдой, но никто не верил, однако вся семья со странным чувством поглядывала на грушевые деревья.

Дедушка тоже был нежным и ласковым. Приговаривал, что со временем вишневое дерево никак не похоже на грушевое.

Это была чу́дная семья, но они незаметно потеряли друг друга.

Итак, Ида родилась, а совсем вскоре ее родители отправились в путешествие и не вернулись. То было первое странное происшествие, случившееся с Идой.

Дни стояли длинные, и делать было нечего.

Она увидела луну и она увидела солнце и она увидела траву и она увидела улицы.

В первый раз что-то увидев, она испугалась. Она увидела мальчика, и когда он ей помахал, отвернулась от него.

Она любила разговаривать и петь песни, и она любила менять места. Где бы ни находилась, она всегда меняла места. Иначе целыми днями нечего было делать. Конечно, она рано отправлялась в постель, но и в таком случае всегда могла сказать, а что мне делать теперь, теперь что мне делать.

Кто-то посоветовал ей говорить: неважно, какой день, он всегда заканчивается в тот же день, неважно, что происходит в году, в один прекрасный день год всегда заканчивается.

Ида не была бездельницей, но дни всегда тянулись долго, даже зимой, и делать было нечего.

Ида жила с двоюродной бабушкой, не в городе, а на окраине.

Ида была очень юной, и, поскольку делать было нечего, гуляла, вышагивая, будто она высокая, высокая, как все. Однажды она потерялась, то есть за ней шел человек, и она испу-

галась, заплакала, будто потерялась. Немного погодя, то есть спустя некоторое время происшедшее придало ей уверенность.

Поскольку делать было нечего, ей хватало времени подумать о каждом наступающем дне. Она была очень осторожна со вторником. Вторник ей был нужен позарез. Вторник для нее всегда был вторником.

У них всегда было полно еды. Ида постоянно задумывалась перед едой. Такова была Ида.

Однажды, не во вторник, две женщины пришли навестить ее двоюродную бабушку. Вошли они очень осторожно. Они вошли не вместе. Вошла одна, за ней другая. Одна принесла оранжевые цветы. Иде стало странно. Кто они такие? Она не знала и не хотела входить за ними следом. Пришел и третий человек, мужчина, и у него на шляпе были оранжевые цветы. Он снял шляпу и сказал себе: ну вот и я, я хочу побеседовать сам с собой. Вот и я. И он вошел в дом.

Ида вспомнила, что некая старуха однажды сказала ей, мол она, Ида, так состарится, что невозможно быть старше, хотя, сказала старуха, есть одна все-таки старше.

Ида задумалась, не это ли сейчас с ней происходит. Она не знала, надо ли войти в дом, посмотреть, есть ли там кто у двоюродной бабушки, а потом решила, что сделает вид, будто здесь не живет, просто зашла навестить, и она подошла к двери и спросила себя, есть ли

кто в доме, и когда ей ответили, то есть она себе ответила, что дома никого нет, она решила не входить.

Оно и к лучшему, потому что бабушке оранжевые цветы казались странными, как Иде казались странными груши.

Ида все взрослела, ей уже было почти шестнадцать, и в ее жизни приключилось много

странностей. Ее бабушка ушла, Ида потеряла бабушку, которая, с тех пор как ее навестили оранжевые цветы, так никогда и не обрела покой. Теперь Ида жила с дедушкой. У нее была собака, почти слепая не из-за старости, а от рождения, и Ида звала ее Любовь, Ида часто звала ее к себе, естественно, Ида, а собака приходила, даже когда Ида не звала.

По утрам было темно, каждое утро темень, но собака Любовь была слепа, и ей было безразлично.

Это правда, она родилась слепой, хорошие собаки часто рождаются слепыми. Собака была слепой, но Ида, естественно, всегда могла с ней поговорить.

Однажды она сказала: Слушай Любовь, выслушай все, я тебе кое-что расскажу.

Видишь ли, Любовь, сказала ей Ида, у тебя всегда была я, а теперь будут две, у меня появится близняшка, да-да, Любовь, мне надоело быть одной, а когда у меня появится близняшка, одна из нас сможет уходить, а другая оставаться дома, да, Любовь, да, я заведу близняшку. Знаешь, Любовь, я такова: если захо-

тела, должна получить. А мне позарез нужна близняшка, да, Любовь.

Дом, где жила Ида, стоял почти на вершине холма, не очень красивый дом, но довольно приятный, рядом большое поле, и его обрамляли деревья, по одну сторону поля шла дорожка, и обычно не очень-то много цветов, потому что деревья и трава занимали много места, но все равно хватало пространства для Иды и ее собаки Любви, и всякий без труда понимал, что Иде и впрямь нужна близняшка.

Она запела о близняшке, и вот как она пела.

О дорогая, о дорогая Любовь, это она собаке, будь у меня близняшка, никто бы не догадывался, которая из нас я, а которая она, и случись что-нибудь, никто бы ничего не понял, а случится много всякого, и, о Любовь, я чувствую, да, я знаю, у меня есть близняшка.

Затем она сказала: Любовь, позже меня назовут блондинкой-самоубийцей, потому что моя близняшка осветлит волосы. Меня назовут убийцей, потому что наступит время, когда я убью свою близняшку, которую сама сотворила. Если ты ее сотворила, можешь ее убить. Скажи мне, Любовь, собачка моя, скажи мне и скажи ей.

Как и все, Ида жила не повсюду, но во многих домах и во многих гостиницах. И всегда естественно было жить там, где она жила, и вскоре она забывала другие адреса. Все забывают.

В Иде не было ничего странного, но с ней случались странные вещи.

Иде так толком и не встретился мужчина, но у нее был план.

Было это, когда она еще жила с двоюродной бабушкой. Она жила не у воды, если не называть водой ручеек, не называть водой озерцо вдалеке и холмы за ним тоже. Если все это не называть водой, тогда Ида не жила у воды, а жила около церкви.

Был март, очень холодно. Не в церкви, там было тепло. Ида нечасто ходила в церковь, она никого не знала, а если не знаешь никого, в церковь ходишь нечасто, особенно в церковь, которая открыта, только если что-то происходит.

А затем она познакомилась с семьей маленьких тетушек. Их было пять, ничьими тетушками они не были, но походили на тетушек, и Ида пошла с ними в церковь. Кто-то собирался читать проповедь. О жизни, о политике, о любви? Точно не о смерти, так или иначе, Иду попросили пойти, и все пошли. Церковь была заполнена, снаружи холодно, в церкви жарко. Иду оттеснили от тетушек, они были маленькими, и она их не видела, она-то была высокая, как все, и они ее видели.

В Иде не было ничего странного, но с ней случались странные вещи. Вот она стояла в толпе, довольно плотной, она очутилась рядом со многими, а затем, близко к одному или двоим, может, рядом было свободное пространство, но она его не ощущала, так или иначе, рядом с ними ей было тепло, она их не знала, она их не видела, она смотре-

ла вдаль, но что-то чувствовала, что-то, да-да, что-то чувствовала, а затем проповедь или что там было, окончилась.

Ида вышла вместе со всеми и тут же увидела пять тетушек, им она, кажется, не очень нравилась, но они пошли все вместе, было холодно, стоял март, еще почти снег. Были, конечно, деревья, была дорожка, но там, кроме них, никого не было, и вдруг из-за деревьев выскочил некто, мужчина, конечно, а с ним другой. Ида сказала тетушкам, вы идите, давайте быстрее, я пойду сзади, буду вас защищать, и тетушки заторопились, и Ида заторопилась тоже, но не так быстро, обернулась на мужчин, но те исчезли. Пять тетушек и Ида пошли дальше, тетушки распрощались с ней, и больше она никогда их не видела. Они были ее первыми и последними друзьями, а сама она никогда больше не ходила в церковь, если говорить серьезно.

Дома ее встретила собака Любовь, и Ида запела о близняшке, и вот как она пела.

О дорогая, о дорогая Любовь (это она собаке), будь у меня близняшка, никто бы не догадывался, которая из нас я, а которая она, и случись что-нибудь, никто бы ничего не понял, а случится много всякого, и, о Любовь, я чувствую, да, я знаю, у меня есть близняшка.

Она обратила взгляд вдаль и задумалась о родителях. Она помнила о них, когда немного подросла, но вокруг было много людей, и они об Иде заботились. (Подумайте обо всех

беженцах, что есть в мире, только подумайте). И вот однажды она увидела кого-то, она увидела двоих, но это были не ее родители. Она тогда училась читать и писать и первым делом узнала, что в мире бывают чудеса, и просила каждого подарить ей чудо. И вот однажды она сказала, что случилось чудо. Она сидела одна, стояло лето, внезапно пошел снег, и сквозь снег

она увидела двух собак, черную и белую, обе небольшие, и у нее на глазах обе они, обе собаки убежали и убежали вместе. Ида сказала: вот это чудо, это и было чудо.

Ида постепенно взрослела, и по мере ее взросления кто-то о ней заботился. Ей нравилась перемена адреса, так ей не приходилось запоминать адрес, а она не любила запоминать. Легко было забыть последний адрес, она забывала и сообразить, каков будет следующий.

Мало-помалу она выучилась читать и писать, она сказала, и была права, что знать все остальное ей ни к чему. Вот так постепенно, понемногу она взрослела.

С ней всегда жила собака, на каждом новом месте у нее была собака, а у собаки всегда было имя, и одну из них звали Айрис. В то время Ида жила в горах. Ей там нравилось. Но ведь Иде нравилось жить где угодно. Она много где жила, и везде ей нравилось.

Айрис не боялась грома и молнии, но пугалась дождя и в дождь убегала от Иды, но возвращалась, она ведь не могла убежать от дождя,

он следовал за ней. Так что она возвращалась к Иде.

Затем Ида перебралась жить в город. Она жила со своим старым дедушкой. Он был стар и слаб, оставалось только удивляться, как он еще ходит, но он ходил. Ида не обращала на дедушку внимания.

В городе с ней случались странные вещи.

Был месяц август. В августе, когда приходит жара, по-настоящему очень жарко.

Тогда-то и случилось несколько странных вещей. Ида вышла погулять, она всегда была в доме или вне дома, но везде было увлекательно.

Она гуляла, время близилось к вечеру, когда общественные парки закрывались, Ида вглядывалась сквозь ограду и увидела: кто-то не отрываясь смотрел на нее из дальнего угла. Полицейский. Нагнувшись, он смотрел на нее. Это ее не встревожило, но она удивилась, почему он нагнулся, глядя на нее из дальнего угла. И тогда она увидела рядом с собой очень старую женщину, не поймешь, женщина это или нет, на ней было столько одежды, столько всякого свисало с нее, она несла столько вещей, что примешь за кого угодно.

Ида ушла, ей пора было домой.

Август наконец закончился, и наступил сентябрь.

Иногда в парке она видела, как старуха перешивает старое коричневое платье, то есть из кусков делает себе другое. Она так посту-

пала со всей своей одеждой и была вечно занята. Ида никогда с ней не заговаривала.

Ида взрослела. Временами она подумывала о муже, но знала, что муж означает замужество, а замужество означает перемены, а перемены означают перемену имени, в конце концов она пережила столько перемен, но имя сохранила одно, Ида, и хотела его оставить. А затем случилась еще одна странная вещь.

Была зима. Ида никогда не задумывалась, почему зимой грохочет гром, почему сверкает молния и грохочет гром именно зимой. Случалось, и все.

Ида не обращала на это внимания, но однажды увидела мужчину с объявлением на спине, человека-бутерброда, это было ничего, а странно было то, что он остановился и разговаривал с крупным, хорошо одетым, богатым человеком, словно они знакомы.

Ида очень быстро пошла домой.

Затем она стала жить у другой двоюродной бабушки на окраине города, там-то решилась и сказала своей собаке Любви, что надумала стать близняшкой.

Она еще не решила стать близняшкой, когда с ней приключилась очередная странная история.

Она гуляла со своей собакой Любовью, они шли, внезапно собака рванулась и залаяла на кого-то, а этим кем-то оказался человек, лежавший на обочине, он не спал, поскольку его ноги дергались, он был жив, ибо

катался туда-сюда, и был несчастен, ну, потому что был несчастен, и носил он солдатский мундир. Собака Любовь подошла к нему, не собираясь нюхать или лаять, собака просто подошла, а Ида, тоже приблизившись, заметила, что человек был не белым, а арабом, и потому собака Любовь, конечно, не лаяла на него. Как ей лаять, если от араба несло травами и полями, а не человеческим? Ида не испугалась, он, араб, поднялся и жестами показал «пить». Ида, возможно, испугалась бы, будь дело к вечеру, а и был вечер, и будь она одна, а она и была одна, но она в ответ показала, что у нее ничего нет, араб встал, постоял и внезапно ушел. А Ида, вместо того чтобы продолжить свой путь, вернулась тем же путем, которым пришла.

Она наслышана была о религии, но ей так и не пришлось прикоснуться к какой-нибудь по-настоящему. Однажды летом она была в другом месте, и увидела толпу людей под деревьями, и подошла. Люди собрались, кое-кто бродил в толпе, все сидели или стояли на коленях, не все, но большинство, и в середине одна женщина медленно двигалась, медленно двигались ее руки, и все за ней повторяли, и некоторые, когда их руки начинали двигаться, не могли остановить это движение. Ида оставалась там, сколько могла, а затем ушла. Она всегда оставалась, сколько могла.

Однажды, до или после решения стать близнецом, она присоединилась к пешему марафо-

ну. Она двигалась, засыпая или ступая, она медленно двигалась. Еще и такая странная вещь с ней случилась. Тогда она жила за городом, ей исполнилось восемнадцать, и она решила, что одиночества с нее довольно, и сказала своей собаке Любви, что ее станет двое, она станет близняшкой. Так и произошло.

Ида часто писала письма себе, то есть свое-

ей близняшке.

Дорогая Ида, моя близняшка.

Сейчас я сижу, не в одиночестве, потому что со мной моя дорогая Любовь, и я разговариваю с ней, и она разговаривает со мной, но сейчас я одна-одинешенька и думаю о тебе, Ида, моя дорогая близняшка. Красива ли ты, как красива и я, дорогая близняшка Ида, да? И если да, возможно, я нет. Я не могу уйти, Ида, я здесь, всегда, если я не здесь, тогда я где-то, но сейчас я здесь, такова уж я, но ты, дорогая Ида, не такова, ты не здесь, будь ты здесь, я не смогла бы тебе писать. Знаешь, Ида, что я думаю, я думаю, ты бы могла быть королевой красоты, из тех, кого выбирают, когда все голосуют. Их выбирают, они разъезжают повсюду, все смотрят на них и все их видят. Дорогая Ида, о, дорогая Ида, умоляю, стань одной из них. Не говори им иного имени, кроме Иды, я знаю, Ида победит, Ида, Ида, Ида,

от твоей близняшки
Иды.

Ида безмолвно сидела, глядя на свою собаку Любовь, и тихонько наигрывала на пианино, пока не стало смеркаться. Ида вышла, сперва заперев дверь, она вышла и, выходя, уже знала, что она красавица и что все проголосуют за нее. Но сначала надо было найти место, где будут голосовать, но это не играло роли, всякое место подойдет, за нее проголосуют где угодно, ведь она так прекрасна.

По дороге она увидела красиво одетую маленькую девочку со сломанной рукой, и девочка бросила камень в окно. Сломана была правая рука. То был знак.

И когда Ида пришла, за нее проголосовали, объявили ее королевой красоты, самой красивой и совершенной красотой, и в тот год она стала обладательницей приза за величайшую красоту во всем мире. Вот так запросто. Это свершилось. Ее имя было Ида, и она победила.

Никто ничего не знал о ней, лишь то, что она Ида, и этого было достаточно, потому что она была Ида, красавица Ида.

Часть вторая

26 Жил-был старик, которому случилось попасть туда, где голосовали. Он не ведал, что голосовали за королеву красоты, но, придя, тоже проголосовал. И, естественно, за нее. Каждый бы так проголосовал. Вот она и выиграла. Оставалось только пойти домой, как она и поступила. Ей пришлось добираться кружным путем, иначе выяснилось бы, где она живет, конечно, ей пришлось сообщить некий адрес, и она его сообщила, затем отправилась туда, а потом вернулась за город, где жила.

По дороге, уже на окраине, она увидела женщину с большим узлом одежды для стирки. Женщина остановилась и смотрела на фотографию, Ида тоже остановилась и изумилась, у женщины в руке была фотография Любви, Идиной собаки. Поразительно.

Ида удивилась, попыталась отнять фотографию, и тут мимо проехал автомобиль с двумя женщинами, и он остановился, а женщины вышли узнать, что происходит. Ида выхватила фотографию из рук первой женщины, засмотревшейся на автомобиль, прыгнула в этот автомобиль, пытаясь уехать, но обе женщины то-

же вскочили в автомобиль, вытолкнули Иду и умчались с фотографией. Ида и женщина с узлом одежды остались. Обе стояли, не произнося ни слова.

Ида ушла, она была королевой красоты, она выиграла приз, ее признали самой красивой, но она была сбита с толку и вдруг на земле увидела сверток. Должно быть, его выронила одна из женщин, что были в автомобиле. Ида подобрала сверток и ушла.

Итак, Ида делала все, что полагается избранной королеве красоты, но временами терялась.

Как-то раз она увидела мужчину, похожего на фермера, а с ним была очень маленькая женщина, а за ним женщина среднего роста. Они заинтересовали Иду. Однажды она вновь увидела женщину с большим узлом одежды для стирки. Та беседовала с каким-то мужчиной, молодым человеком. Ида подошла. Тут мимо проехал автомобиль с двумя женщинами, и в автомобиле была Любовь, Идина собака, Ида была уверена, что это Любовь, конечно, это Любовь, и в зубах Любовь держала сверток, тот самый сверток, который подобрала Ида. Все были там, и женщина с узлом белья для стирки, и молодой человек, и Ида, все стояли, смотрели, и никто не проронил ни слова.

Ида жила себе со своей двоюродной бабушкой, где и жила, за городом, она, ее собака Любовь и пианино. Очень часто она писала своей близняшке Иде.

Дорогая Ида, писала она.

Дорогая Ида,

Очень рада, очень, очень рада твоей победе, я даже, пожалуй, стану называть тебя Винни*, потому что ты побеждаешь. Ты победила, потому что красива, ты самая красивая. Однажды я гуляла со своей собакой Любовью, и к ней подошел мужчина, протянул руку и сказал: здравствуй, ты самая красивая. Я подумала, что за странный человек, а теперь они решили, что именно ты, ты самая красивая. А в тот день, когда ты победила, я наблюдала странный случай, я увидела, что моя собака Любовь принадлежит кому-то другому. Она была не моя, а их. Мне было очень странно, ведь на самом-то деле это неправда, она здесь, она моя и твоя, а теперь я буду называть тебя Винни, потому что ты всё выигрываешь, я так счастлива, что ты моя близняшка.

Твоя близняшка, Ида-Ида

Так Винни стала известна как Винни.

Винни, Винни, говорили, увидев ее, а ее начинали замечать.

Они произносили Винни по-разному. Они говорили Винни. И говорили Винни.

Она понимала.

Легко приучить всех говорить Винни, да, Винни. Конечно, я знаю Винни. Все знают,

---

* Винни (*англ.* Winnie) – имя уменьшительное от winner – победитель.

кто такая Винни. Не так легко, но получилось, все стали замечать, что Винни это Винни.

Это приводило Иду в восторг, и она писала новые письма Винни.

Дорогая Винни,

Все знают, кто ты, и я знаю, кто ты. Дорогая Винни, мы близнецы, и тебя зовут Винни. Теперь я никогда не буду без близняшки.

Твоя близняшка

Ида

Столько всего произошло с Винни. Почему бы и нет, если все узнали ее имя.

Жили-были двое, которые встретились. Они сказали. Что нам делать? Что же они сделали? Они пошли повидаться с Винни. Иначе говоря, они решили взглянуть на Винни.

Взглянув на нее, они чуть не разрыдались. Один сказал. Что случилось бы, не взгляни я на нее, не взгляни я на Винни? Другой сказал. Вот и я ровно о том же.

Спустя некоторое время они решили, что так и сделали, увидели Винни, взглянули на нее. И занервничали, потому что, если вдуматься, правда ли.

Один сказал другому. Послушай, мы правда ее видели, и другой ответил, послушай мы правда видели ее?

А ты ее видел, спросил один. Конечно, видел, а ты? Конечно, сказал первый, конечно, видел.

Они ушли туда, откуда пришли.

Однажды Ида отправилась покупать туфли. Ей нравилось смотреть на желтые туфли, когда она собиралась купить красные. Ей нравилось смотреть на черные, когда она вообще не собиралась покупать туфли.

В магазине была масса народу. Это случилось накануне Пасхи.

Было много примерочных мест, но все хоть кем-нибудь да заняты. Трудно примерять обувь стоя, трудно, почти невозможно, и потому Ида ждала своей очереди, а один мужчина сидел со своей женой, примерявшей туфли, сам не мерил, и продавщица, не Ида, попросила его встать, освободить место, и он встал, не взглянув на Иду. Ида к этому привыкла.

Магазин был переполнен, никто не смотрел на Иду. Кое-кто обсуждал Винни. Они говорили. Но если вдуматься, так ли интересна Винни? Они только об этом и говорили.

Вот так и текла жизнь.

Была Винни.

Время от времени мужчина есть мужчина, и этот был родом из Омахи, где ловят все, что могут. Он почти словил Иду. Произошло это так.

Он вышел как-то ночью и увидел Винни. Винни всегда была. Она бывала везде.

Он проследил за Винни

И проделал это замечательно.

Назавтра он пришел и позвонил в дверь.

Спросил Винни.

Конечно, Винни не было.

Что неудивительно, не удивило и его.

Он же не мог спросить Иду, потому что Иды не знал. Он почти что спросил Иду. В каком-то смысле он и спросил Иду.

Появилась Ида.

Ида была не такой как Винни. Совсем не такой.

Ида и он, человек из Омахи, сказали. Здравствуйте. Затем сказали. До свидания.

Человек из Омахи ушел. Он опять следил за Винни, но больше не звонил в дверь. Ему хватало ума.

Ида жила одна. Она пробовала научить собаку Айрис обращать внимание на птиц, но Айрис так и не научилась. Если б научилась, Иде добавилось бы забот, потому что замечать птиц пришлось бы и ей.

Странную жизнь вела Ида, но все равно она умудрялась так жить день за днем.

И все равно что-то происходило.

Как-то раз Ида сидела, ничего не делая, и внезапно ей стало очень странно. Я что-то потеряла, сообразила она. Ида обыскала все, так и не выяснила, что потеряла, но знала, что нечто потеряно. Внезапно она почувствовала, точнее, услышала, как кто-то ее позвал. Она остановилась, хотя в общем-то и не ходила, короче говоря, замерла, обернулась и услышала как кто-то говорит, Ида, это ты, Ида? Она увидела, как кто-то к ней идет. Никогда прежде она их не видела. Их было три, три жен-

щины. А потом осталась только одна. Она подошла к Иде. Не странно ли, сказала она. Да, ответила, Ида. Ну вот, сказала женщина, я же говорила, я так и знала.

Вот и все, что произошло.

Все три ушли.

Ида больше не искала то, что потеряла, она слишком разволновалась.

Она вспомнила, как однажды перед домом остановился человек в шляпе, с палкой и бутылкой. Он положил палку, но не знал, что делать со шляпой, потому начал заново. Он сунул палку в окно, чтоб она оттуда торчала, на палку повесил шляпу, так и стоял с бутылкой. Это, сказал он, бутылка, а в ней вино, и я, пьяный, выпью это вино. И выпил.

Затем он сказал.

Это как будто в гардеробе лежит носовой платок, который никогда не вынимаешь, но знаешь, что он всегда там. Он всегда будет новым, и никто никогда не нарушит такого положения.

Что есть мир и что есть война, сказал этот человек, что есть красота и что есть лед, сказал этот человек. Где моя шляпа, сказал этот человек, где мое вино, сказал этот человек. У меня есть палка, сказал он, есть шляпа, сказал он, и целая бутылка вина. Прощайте, сказал он, но Ида уже ушла.

У нее были определенные привычки. До десяти она всегда считала на пальцах, и всегда считала десять раз по десять. Очень трудно

было запомнить, сколько десятков она насчитала, потому что надо было запоминать дважды, а что будет, когда она досчитает до сотни? Да ничего. Ида просто садилась. Жила она в одиночестве, и счет служил ей занятием.

Она шла и увидела женщину с тремя детьми, двумя девочками и мальчиком. Мальчик нес в руках черное пальто, большое.

Мне, сказала женщина Иде, нравится только белая кожа. Если после смерти я вернусь и увижу, что у меня другая кожа, я пойму, что в прежней жизни сильно грешила.

Тогда Ида призадумалась о разговорах.

Она принялась разговаривать. Ей нравилось наблюдать, как люди едят в ресторанах и везде, где они едят, и ей нравилось разговаривать. Всегда можно поговорить с армейскими офицерами. Она и разговаривала.

Армейские офицеры не носят военную форму в городах, солдаты носят, а офицеры нет. Поэтому вступать с ними в беседу легче, но разговаривать труднее.

Повстречав Иду, офицер вежливо спрашивал, как вы поживаете, и она отвечала, очень хорошо, спасибо. Оба они были вежливы.

Один офицер сказал ей. Спасибо за такой приятный ответ, а она ответила. Пожалуйста.

И офицер продолжил разговор.

Что вы любите больше всего на свете, спросил он, и она ответила. Я люблю быть там, где я есть. О, взволнованно сказал он, и где же вы сейчас. Я не здесь, ответила она. Я с этим очень

осторожна. Нет, я не здесь, сказала она, очень приятно, добавила она и слегка отвернулась, очень приятно не быть здесь.

Офицер улыбнулся. Я понимаю, сказал он, я понимаю, что вы имеете в виду. Вас зовут Винни, и это вы имеете в виду, говоря, что вы не здесь.

Она вдруг ощутила огромную слабость. Ее звали не Винни, а Ида, не было никакой Винни. Она повернулась к офицеру и сказала. Боюсь, очень боюсь, что вы ошибаетесь. И медленно удалилась. Офицер посмотрел ей вслед, но за ней не пошел. Глядя на него, никто бы не догадался, что он офицер, потому что он не носил форму и не знал, знала ли она.

Может, и знала, а может, и нет.

Каждый день после этой встречи Ида заговаривала с каким-нибудь офицером.

Допустим, я офицер, сказал один офицер Иде, я и есть офицер. Я офицер и отдаю приказы. А вы, спросил он, глядя на Иду. Вы хотели бы посмотреть, как я отдаю приказы. Ида глянула на него и не ответила. Если бы я отдавал приказы, а все слушались, что они и делают, сказал офицер, произведет это на вас впечатление? Ида посмотрела на него, она смотрела, и офицер почувствовал, что он, должно быть, нравится ей, иначе она бы на него не смотрела, и потому он сказал ей, я вам нравлюсь, иначе вы не смотрели бы на меня. Но Ида вздохнула. Она ответила, да и нет. Видите ли, да, я смотрю на вас, но этого недостаточно. Я смотрю

на вас, вы смотрите на меня, но мы говорим только как поживаете и очень хорошо, спасибо, а если что-нибудь еще, то всегда возникает вопрос. Как вас зовут. И на самом деле, сказала Ида, знай я ваше имя, я бы вами не интересовалась, нет, мне было бы неинтересно, а не зная вашего имени, я бы вами интересоваться не смогла, совершенно точно. Прощайте, сказала Ида и ушла.

Ида не только попрощалась, но и ушла жить в другое место.

Некогда, давным-давно всегда были ворота, ворота эти открывались, чтобы можно было войти, и постепенно нигде не осталось ни заборов, ни стен. Некоторое время стояли только ворота, хотя не было забора. Они стояли только изящества ради, приятно, когда есть ворота и они клацают, хотя забора и нет. Постепенно исчезли и ворота.

Ида, когда у нее была собака, нередко стояла у ворот, рукой придерживая собаку, так они и стояли.

Но это было давным-давно, а Ида ни о чем не думала, лишь о настоящем. С чего ей всегда быть одинокой, если есть что вспомнить. В самом деле.

С ней же пока ничего не случилось. Пока что.

Однажды Ида увидела летающую моль, и это ее насторожило. Мало что беспокоило Иду, но тут она забеспокоилась. Она сказала офицеру. То был уже другой офицер. Есть

ведь армия, есть военно-морской флот, всегда полно офицеров. Сказала Ида этому офицеру. Убирая свою форму на лето, вы опасаетесь моли. Да, сказал офицер. Понятно, сказала Ида и медленно удалилась в задумчивости, потому что об этом знала. Одна, а она была одна, она боялась моли и нафталина. Эта пара неразлучна.

Ида редко кашляла. Такое уж у нее было здоровье.

В Новой Англии шесть штатов, Мэн, Массачусетс, Вермонт, Нью-Гэмпшир, Коннектикут и Род-Айленд.

Ида очутилась в Коннектикуте. Она жила там вполне нормально, просто тихо жила. У нее была подружка, высокая, стройная, сероглазая, со спутанными волосами, одевалась в черное, была стройная, длинноногая и носила огромную шляпу. От солнца не пряталась, просто так носила шляпу с широкими полями. Да, так она носила. Такой уж она была. Да, вот именно.

Эта подружка Иду не интересовала. Они виделись, да, но Ида ею не интересовалась.

Кроме этой женщины, в Коннектикуте Иду никто не знал. Поначалу она там ни с кем не разговаривала. Сидела целый день, вот и весь день. А в тот день она услышала, как кто-то что-то сказал. Сказали, кто такая Винни. На следующий день Ида уехала из Коннектикута.

Она начала думать, как сложится ее жизнь, если она выйдет замуж.

Уезжая из Коннектикута, она стала прислушиваться к одному мужчине. Он был армейским офицером. Его звали Сэм Хэмлин. Веселый он был, Сэм Хэмлин. Он сказал, что если б женился, мог бы и развестись. Он был родом из Коннектикута, в Коннектикуте и жил. Он сказал, что единственный способ расстаться с Коннектикутом уехать из него. Но он никогда так не поступит. Уехав из Коннектикута, он может очутиться в Вашингтоне или Юте или Айдахо, и тогда рискует потеряться. Вот что он думал про Коннектикут.

Постепенно, по крохам он все это поведал Иде. Он сказал, я знаю, и добавил, когда я говорю, что знаю, я ровно это и говорю. Мне нравится, сказал он Иде, мне нравится говорить вслух все, что я говорю.

Он сказал, я знаю. Он сказал, я знаю тебя, и сказал это не только Иде, он и остальным так говорил, черт побери, говорил, да, я знаю Иду. Он сказал однажды Иде, так приятно слушать негромкую музыку, так приятно.

Он поведал, что некогда был женат, и сказал ей. Послушай. Давным-давно я был женат, но когда ты приехала в Коннектикут, я уже не был. Ты говоришь, что покидаешь Коннектикут, а единственный покинуть Коннектикут – уехать отсюда, а я не собираюсь уезжать из Коннектикута. Послушай меня, продолжал он, я не уеду из Коннектикута. Я служу в армии, и, возможно, меня из Коннектикута отошлют, есть ведь Массачусетс, и Род-Айленд,

и Нью-Гэмпшир, и Вермонт, и Мэн, но я останусь в Коннектикуте, хочешь верь, хочешь нет.

Ида уехала из Коннектикута, и то был первый раз, когда Ида подумывала о замужестве, и последний раз, когда при ней кто-то упомянул Винни.

Была еще женщина в Калифорнии по имени Элеонор Энджел, она владела землей и в этой земле нашла золото и серебро, платину и радий. Нефти не нашла. Об этом она всем написала, и все разволновались, всякий бы разволновался, и все поверили, все говорили, это интересно, если правда, и все уверились, что это правда.

Ида приехала жить к ней.

Ида никогда не падала духом и всегда ходила гулять.

На прогулках она размышляла о мужчинах и президентах. Она думала о том, как одни мужчины больше походят на президентов, чем другие, если им довелось такими родиться, и спрашивала себя. Который из них мой. Она знала, что наверняка есть тот, кто может принадлежать ей и будет президентом. Поэтому она сидела и была вполне довольна ничегонеделанием.

Садись, сказал ей кто-то, и она села.

Ну, это был не тот. Он тоже сидел, и это все.

Ида всегда высматривала тот это или иной, видела она его или нет, иногда нет.

Затем она садилась, не то чтобы поплакать и не то чтобы посидеть, но садилась, и было

ей странно, как будто все это важно, и это ее поддерживало.

Ида представляла себе, как она сама приходит, затем представляла, как приходит мужчина, представляла, как он уходит, представляла, как уходит сама.

И все время, попросту все время она что-то говорила, разные приятные пустяки, говорила все в порядке, говорила да.

И в поезде, и в автомобиле, и в самолете, или просто гуляя.

Так где же.

Что ж, где угодно, и везде она просто разговаривала. Говорила, да-да, я люблю сидеть. Да, я люблю переезжать. Да, я была здесь прежде. Да, здесь очень приятно. Да, я приеду снова. Да, я хотела бы встретиться с ними, я встречусь с ними, они со мной, это замечательно.

Ида никогда не вздыхала, а просто отдыхала. А отдыхая, слегка оборачивалась и говорила, да, дорогая. Очень приятным тоном.

Вот и вся тогдашняя Идина жизнь.

Она сказала. Я не люблю птиц.

Она любила механических птиц, а не живых. Живые птицы всегда пели.

Она сидела с другом, и они разговаривали. Ида сказала, я никогда не устаю, никогда не чувствую себя свежей. Я постоянно меняюсь. Говорю себе, Ида, это взбадривает меня, затем я снова тихо сижу.

Ее друг сказал, я приду опять.

Приходи, ответила Ида.

Было тихо весь день, но Ида была к этому готова.

Ида вышла замуж за Фрэнка Артура.

Артур родился прямо посреди большой страны.

Он еще в детстве знал, что земля круглая, и это его никогда не удивляло. Он знал, что у деревьев зеленые листья, что идет снег, когда снегу наступает срок, и дождь, когда наступает время дождю. Он много чего знал.

В детстве у Артура был друг, косолапый, высокий и худой, он работал у фермера.

Косолапый друг приезжал на велосипеде, останавливался, опершись на велосипед, и рассказывал Артуру все на свете.

Он-то и рассказал Артуру все о собаках.

Он рассказывал, как одна собачка, почувствовав зов природы, совокуплялась со всем, что попадалось, с задней лапой большой собаки, ножкой стола, чем угодно, и он рассказывал, как меняется голос у молодых охотничьих собак, ломается, как у мальчиков, идет вверх, потом вниз и наконец приобретает окончательный тембр. Он рассказывал и о пастушьих собаках, как пастухи используют их восемь лет, а когда собаке исполняется девять, пастух должен ее повесить, и часто пастух ужасно переживает и рыдает, когда должен повесить свою собаку, убить, но нельзя держать ее больше восьми лет, собака уже не следит за стадом, а как кормить собаку, если за стадом она больше не следит, и потому пастухи

иногда плачут, но когда собаке исполняется восемь, ее все равно вешают. Затем он рассказывал Артуру о другой собаке и девочке. Девочка, едва завидев собаку, совала ей кусок сахару. Она работала в магазине, где продавали сахар, и однажды увидела, как вошел мужчина, владелец этой собаки, и когда он вошел, она спросила, где собака, а он ответил, что собака умерла. У девочки в руке был кусок сахару, и она тогда положила сахар в рот, съела и разрыдалась.

Он рассказывал Артуру об овцах, говорил, что овцы очень любопытные, интересуются всем, но особенно собаками, всегда выискивают собаку, похожую на овечку, временами находят, и тогда они, молодые овцы, ягнята, радуются, а взрослые овцы пугаются, завидев собаку, похожую на овечку, набрасываются на нее и пытаются забодать.

Рассказывал мальчик Артуру и о коровах, говорил, что коровы не всегда покладисты, некоторые коровы все ненавидят. Еще он рассказывал о быках. Говорил, что быки не очень интересные.

Он, этот косолапый мальчик, обычно стоял, опершись на велосипед, и все Артуру рассказывал.

Когда Артур подрос, он познакомился с человеком, не очень высоким. Тот, довольно-таки коротышка, хорошо умел лазать. Он умел не только влезть в окно и вылезти, но даже перелезть поверх двери, если она заперта.

Удивительный был человек. Артур спросил его и услышал в ответ, что кроме лазанья тот ни о чем другом и не помышлял. Да и зачем бы ему, если он может залезть куда угодно.

Артур лазал неважно. Он мог только слушать коротышку. А тот рассказывал, как взбирался на самый верх ворот, на дверь, на самый верх столба. Звали коротышку Бернард. Он сказал, что его зовут, как святого. Затем он, естественно, уходил. Он в конце концов уехал один.

Артур и сам был уже достаточно взрослым, чтобы уехать. Вскоре он и уехал.

Он испробовал несколько способов уехать и наконец уплыл на судне, потерпел крушение и отморозил ухо.

Ему так понравилось, что он попытался опять попасть в кораблекрушение, но больше не удалось. А пытался не раз, испробовал разные суда, но кораблекрушений не случалось. Наконец он сказал, один раз, и все.

Он перепробовал многое, прежде чем вернуться в середину большой страны, где родился.

В конце концов он стал армейским офицером, женился на Иде, но прежде ему пришлось многое пережить.

Например, он спал в постели под мостом. Постель была из картонных коробок. Не он ее сделал. Кто-то другой сделал эту постель, но когда Артуру некуда было податься, поскольку он истратил все деньги, он ходил спать туда. Там всегда кто-то спал. Кто-нибудь спал

там круглые сутки. Проснувшись, Артур всегда брился и умывался в реке, он все свои пожитки носил с собой.

То было замечательное время. Вместо того чтобы работать или зарабатывать деньги, Артур просто слушал всех подряд. От этого он задремывал и всегда был в полусонном состоянии, не более того, а во сне имел обыкновение разговаривать о сахаре и стряпне. Еще он любил болтать о мензурках.

Артур никогда не рыбачил в реке. Он слишком много спал под мостом, чтобы любить рыбалку. Как-то вечером он встретил человека, который удил рыбу. Они немного поболтали, и тот человек признался, что не очень хороший рыболов, видит рыбу, а поймать не может. Наконец он спросил Артура, знаешь, кто я. Нет, ответил Артур. Что ж, продолжил человек, снимая шляпу, я шеф полиции. И почему тогда у вас не ловится рыба, спросил Артур. На днях я поймал форель, но она от меня ускользнула. Почему же вы не взяли, не записали ее номер, спросил Артур. Потому что рыба не умеет разговаривать, последовал ответ.

Артур часто загадывал на падающую звезду, говорил, звезда горит, как светлячок парит, и я смотрю подолгу в высь, чтоб мечты мои сбылись*.

Загадывал он стать королем или богатым.

---

* Английский детский стишок, пер. М. Симанович.

Нет причин королю быть богатым, а богатому королем, совсем никаких нет.

Артур еще не решил, что для него предпочтительнее. Нетрудно стать и тем и другим. Просто надо решить быть богатым или королем, а остальное произойдет само собой. В этом Артур не сомневался.

Как бы там ни было, Артур вернулся туда, откуда уехал, он оказался посреди своей страны, большой страны, и слезы навернулись на глаза. Он разнервничался, когда понял, что плачет, и лег на живот, вытянувшись во весь рост, и вцепился руками в землю.

Он решил записаться в армию и дослужился до офицера и через несколько лет встретил Иду.

Он встретил ее однажды на дороге и пошел рядом, и у них получилось идти в ногу. Было похоже на пеший марафон.

Он начал первым. Он сказал. Весь мир рыдает, все рыдают об этом. Все жаждут короля.

Она посмотрела на него, а потом отвернулась. Может, все и хотят короля, но никто не хочет королеву.

Может показаться, сказал Артур, будто эта мысль внезапна, но мне потребовалось время, несколько месяцев, даже пара лет, чтобы понять, как все жаждут короля.

Он сказал, знаешь, там, где я был в последний раз, я был с матерью, и все добросердечно приглашали меня к себе опять. Это было давным-давно. Все плакали, когда я уезжал,

но сам я не плакал. Вот что делает любого человека королем, не плакать, когда все плачут.

Филипп был из тех, кто всё говорит вслух.

Я знаю ее, сказал он, он сказал, что знает Иду, черт побери, да, я знаю Иду. Он говорил это всем, говорил и ей. Говорил, что знает ее.

Ида никогда больше не видела Артура.

Не видела и все.

Она уехала куда-то и просто сидела, у нее даже не было собаки, не было города, жила одиноко, просто сидела.

Время от времени она выходила, слушала, как другие толкуют о предполагаемом падении цен.

Она видела надпись, призывавшую платить безработным, и вокруг собралась толпа народу, и все смотрели.

Иду надпись не заинтересовала. Ида не была безработной. Она просто сидела, и ей всегда всего хватало. Каждый так мог.

Кто-то пришел и спросил ее, где Артур. Она ответила, Артур уехал.

Вскорости исчезла и она, а после ее исчезновения никто не знал, что и сказать.

Люди не знали, что она исчезла, но она исчезла.

Они хотели прочесть о ней, но поскольку о ней ничего не писали, прочесть было нельзя. Они ждали, и все.

Ида поехала жить к двоюродному брату своего дяди.

Он был старик, умел позолотить картинные рамы, да так, что они как будто всегда были позолочены. Он был добр, этот старик, и у него был сын, временами старику казалось, что у него два сына, но у него все-таки был один, и этот сын владел автомастерской, зарабатывал кучу денег. У сына был партнер, и они друг у друга воровали. Однажды сын старика ужасно разозлился на партнера за то, что у того получалось лучше, и застрелил его. Сына арестовали. Посадили в тюрьму. Его осудили на двадцать лет каторжных работ, поскольку у партнера остались жена и трое детей. Тот, что убил, не имел детей, то есть у его жены был ребенок, но не его. Вот так. Его мать проводила все свое время в церкви, молясь за спасение души сына. Жена их доктора сказала, что во всем виноваты отец и мать, они, мол, воспитали в сыне жажду денег, только денег, у них ведь, у старика и его жены, есть кузен докторской жены, который вечно одаривал их подарками, ну конечно, он у них был.

Ида пробыла там недолго. Она ушла жить к кузену жены доктора. Там она гуляла каждый день и завела собаку. Звали собаку Клодин. Ида недолго держала собаку. Отдала ее.

Ида стала говорить себе, Ида, дорогая Ида, ты хочешь, чтобы у тебя было две сестры, или ты хочешь быть одна.

Некогда было пять сестер, и Ида могла быть одной из них.

Все хотят знать о своем прошлом и настоящем, Ида была одна, а легко иметь одну сестру и быть близняшкой, двух и быть тройняшкой, трех и быть в квартете, четырех и быть в пятерке. Легко, когда сестер четыре, поверь, но тут впору захлопнуть дверь*.

Иду стали узнавать.

Когда она шла, люди при виде ее терялись, не окликали ее, хотя некоторые стали ее замечать. Была ли она близнецом, ну так была или нет?

Она опять уехала. Опять менять место не было монотонным занятием, как может показаться. Ида не ела фруктов. Был конец недели, она уехала и больше туда не вернулась.

Довольно скоро она сказала себе, послушай меня, я здесь и знаю это, если я уеду, мне не понравится, потому что я привыкла быть здесь. Я не пойму, что происходит, выслушай меня, сказала она себе, выслушай меня, я собираюсь замолчать и замолчу.

Конечно, она уехала и жила у подруги.

Сколько тех, кто преклонялся под чужое ярмо с неверными, видели быков?†

Вот что сказала Ида и расплакалась. Глаза ее наполнились слезами, она подождала, а затем обдумала все, что с ней случилось, и посреди этих раздумий уснула.

Когда проснулась, она разговаривала.

---

* Обыгрывается цитата из старинной английской детской песенки-считалки One, Two, Buckle My Shoe.

† Аллюзия на 2 Кор 6: 14.

Как поживаешь, сказала она.

Поначалу она говорила наедине с собой, но вскоре все стояли и слушали. С ними она не заговаривала.

Конечно, она думала о замужестве. Она еще не была замужем, но собиралась.

Она сказала, если я выйду замуж, у меня появятся дети, а если появятся дети, я стану матерью, а став матерью, я скажу им, как себя вести.

Она решила, что не выйдет замуж, не родит детей и не станет матерью.

Ида решила, что разговаривать будет только с собой. Любой мог стоять рядом и слушать, но лично она собиралась разговаривать только с собой.

Она уже даже не нуждалась в близняшке.

Кто-то пытался ее прервать, офицер, конечно, но как он мог ее прервать, если она говорила не с ним, а только с собой.

Она сказала, здравствуйте, и люди вокруг ответили ей, здравствуйте. Офицер сказал, здравствуйте, вот и я, вы любите персики и виноград зимой, вам нравятся куры, и хлеб, и спаржа летом. Ида не ответила, конечно нет.

Все было странно, странно, как Ида засыпала, как она плакала, как могла быть одна, как могла лежать, как все знали, что она делала и чего не делала.

Ида подумывала уехать куда-нибудь еще, но знала, что посмотрит на всех и на всё вокруг, и знала, что ничего интересного не будет.

Она сама интересна.

Она запоминала всё и всех, но ни с кем не заговаривала, беседовала только с собой.

Она сказала себе, сколько тебе лет, и от этого заплакала. Она уснула, и, о, так трудно было сдержать слезы. Так трудно.

Ида решила зарабатывать себе на жизнь. Необходимости в том не было, ни сейчас, ни прежде, но она так решила.

Есть много способов зарабатывать, но большинство из них оборачивается неудачей. Ида решила начать с такой работы, которую легко бросить. Она попробовала себя в фотографии, а потом попробовала просто говорить.

Удивительно, до чего легко так зарабатывать. Конечно, иногда все полагают, будто ты голодаешь, но ты никогда не голодаешь. Ида никогда не голодала.

Однажды она прожила неделю в гостинице и была единственным постояльцем. Увидев владельца гостиницы, она спросила, часто ваша гостиница заполнена целиком. Довольно часто, ответил он. Ну, подождите немного, сказала Ида, я уеду и все сюда заявятся, но пока я здесь, не приедет никто. Это почему, спросил владелец отеля. Потому что я хочу жить в гостинице одна. Пока я здесь, я хочу, чтобы в гостинице жили только вы, ваша жена, ваши трое мальчиков и девочка, ваши отец, мать и сестра. Больше никто. Но не беспокойтесь, вам не придется отказывать другим, они не приедут, пока я здесь.

Ида оказалась права. В ту неделю, что она жила в гостинице, никто не появлялся, чтобы поесть или переночевать. Вот так вышло.

Иду очень заинтересовала жена владельца гостиницы, у той был мелодичный голос, и она хорошо со всем управлялась, поскольку, как сказала Ида, рано или поздно она покончит с собой, выбросится в окно, и гостиница разорится.

Ида знала, что произойдет. Ее это ни капельки не беспокоило. Обычно она уходила до того, как что-то происходило.

Однажды она попалась

Случилось это на холмах.

Она была знакома с двумя юношами, один писал акварели, другой был инженером. Они были братья. На вид совсем разные.

Ида расположилась на холме. Братья по бокам от Иды.

Все трое сидели молча, ничего не говорилось.

Затем один брат сказал, я люблю сидеть здесь, где ничего никогда не говорится. Второй сказал, а я, я люблю хлеб, люблю сидеть здесь и есть хлеб. Люблю сидеть здесь и смотреть вокруг. Люблю сидеть здесь и наблюдать, как растут деревья. Я люблю сидеть здесь.

Ида не сказала ничего. Она не слышала, что сказали братья. Ей нравилось сидеть. Всем троим нравилось.

Один брат сказал, так приятно, что я открыл, до чего прекрасно зелень соседству-

ет с голубизной и как здорово выглядит вода, что стремительно мчится с холма. Я покину вас ненадолго. Это он сказал брату. Встал и ушел.

Его брат, человек вежливый, не уходил, пока не ушла Ида. Он сидел, и Ида сидела. Они не уснули, но почти перестали дышать. Брат сказал вслух. Я разговариваю сам с собой. Я никого не беспокою. Я считаю, лучше, когда каждый опасен, чем не опасен, и если они опасны, каждый либо умрет, либо будет убит.

Он помолчал с минуту, прислушался к себе и потом продолжил.

Я понимаю, легко ожидать, что мы все желаем творить добро, но так ли это. Я знаю, что последую за всяким, кто меня о чем-нибудь попросит. Сам-то я крепок и справлюсь с любой своей нуждой.

Ида не обратила никакого внимания.

Не торопясь ушел и второй брат.

Ида осталась сидеть. Она сказала себе. Если бы здесь собралось много народа и все сказали, привет, Ида, я бы не встала, стояли бы они. Если бы все предложили мне всё, я бы не отказалась, потому что всё мое, и не надо ни просить, ни отказываться.

Ида понимала, что говорит, она знала, кто она, и знала, что лучше бы никто сюда не приходил. Если бы пришли, ее бы тут не было, не сразу.

Нелегко все это забыть. Ида так не сказала, но это правда, все это забыть нелегко.

Было тихо весь день, но Ида была к этому готова.

И затем она уехала.

Она отбыла на поезде, на автомобиле, на самолете и пешком.

Успокоившись, она огляделась в поисках воды, в поисках залива, вспаханного поля, а затем увидела, что рядом стоит человек, и спросила, вы живете здесь. Человек ответил нет.

Ида всегда была готова ждать, но ждать здесь было нечего, и она ушла.

На следующем месте ей повезло больше. Там стояли двое мужчин, и она спросила, вы живете здесь. Оба ответили да. Казалось, для начала здесь неплохо, и Ида приступила.

На сей раз она говорила не с собой, она говорила с ними.

Она села, сели и мужчины. Ида начала. Она спросила, а вы знаете, что я только сейчас приехала. Да, ответил один, потому что прежде мы вас не видели.

Другой сказал, возможно, вы тут не останетесь.

Не останусь, ответила Ида

Что ж, ответил один, тогда неинтересно, и я не буду слушать.

Ида очень разозлилась.

Вы меня не слушаете, сказала она, вы не понимаете, что говорите, если я говорю, вы должны внимать тому, что я говорю, ничего другого вам не остается.

И она добавила.

Я вообще-то не говорю много, но если вам так хочется, вы оба можете уйти.

И они оба ушли.

Ида села. Она была очень рада сесть.

Сядьте, сказала она кому-то, и они сели, просто сели.

Вряд ли Иде понравился бы Бенджамин Уильямс.

Он же встал опять и пошел.

Иду не выбирала, с кем встречаться, как ей выбирать, если она всегда ходила или сидела и поступала так очень часто.

Она видела всех, кто встречался ей на пути. Такова была ее манера. Приятная манера.

Ида вернулась, но не в Коннектикут, а в Нью-Гэмпшир. Она вздохнула, сказав Нью-Гэмпшир.

Нью-Гэмпшир, сказала она, это около Вермонта, а когда же я упоминала Вермонт и Нью-Гэмпшир.

Очень часто, прошептала она, очень часто.

Таков был ее ответ

На сей раз она была замужем.

Часть третья

54 Ида выходила замуж не для того, чтобы никогда больше не оставаться одинокой. Собственно говоря, первый и второй браки продлились недолго. Ее первый муж был из Монтаны. Из тех, что, оказавшись на людях, изображали глубокомыслие. Из тех, кто знал, что в Монтане горы, а на горах снег. Сам он родился не в Монтане. Прожил там недолго, ему предстояло покинуть Монтану, жениться на Иде, и был он весьма глубокомыслен.

Ида, сказал он, и вздохнул.

О, Ида, сказал он.

Часто ли, сказал он, часто ли я говорил, о, Ида.

Будучи человеком аккуратным, он начал считать. Он считал, сколько раз произнес, о, Ида.

Считать нелегко, про себя отметил он, сбиваешься со счета.

О боже, сказал он, в Монтане красиво, в Монтане горы, и очень высокие, и как-то глянул вверх, увидел их и решил, не совсем вдруг, решил, что больше никогда не увидит Монтану, и с тех пор не видел.

Он переехал из Монтаны в Вирджинию. Там он увидел деревья и чрезвычайно обрадовался. Он сказал, интересно, а Ида видела эти деревья. Конечно, видела. Не она была слепой, а ее собака Айрис.

Смешно сказать, даже увидев деревья, Ида обязательно смотрела, что с них упало на землю. Листья падали и орехи, даже перья и цветы. Даже вода падала с дерева. Если падала вода, что ж, у Иды был зонтик. У нее был небольшой красивый зонтик. Два она уже потеряла, теперь у нее третий. Ее муж сказал, о, Ида.

Муж Иды не любил своего отца больше, чем мать, или мать больше, чем отца.

Ида и он поселились вместе, и однажды ночью ей приснилось поле с орхидеями, белыми орхидеями, каждая на своем стебле. Такая красавица должна грезить о белых орхидеях, и чтобы каждая на своем стебельке! Вот что ей приснилось.

Ей приснилось, что она замужем, и она не Ида, а Вирджиния. Ей приснилось, что зовут ее Вирджиния и родилась она в Вайоминге, не в Монтане. Ей приснилось, что она часто жаждет воды. Ей приснилось, что она сказала, я закрываю глаза и вижу воду, я закрываю глаза и взаправду вижу воду.

Что такое вода, спросила Вирджиния.

И внезапно она сказала. Ида.

Ида была замужем, и они переехали в Огайо. В Огайо она никого не любила.

Она любила яблоки. Она была разочарована, но не вздыхала. Она загорела, на ее лице была улыбка. Ее спросили, нравится ли ей здесь. Она мягко улыбнулась и не ответила. Когда ее спросили снова, она ответила, ничуть. Потом ее снова спросили, нравится ли ей здесь, она ответила. Может быть, но пока нет.

Ида уехала из Огайо.

Когда она уезжала, ее спросили, можете вернуться. Конечно, вот как ответила она, она сказала, что может вернуться. Кто-то выкрикнул, кто такая Ида, но она не услышала, она не знала, что о ней спрашивают, взаправду не знала.

Ида никуда не поехала прямиком. Она обогнула земной шар. Много времени не отняло, и ее интересовало все, что она видела.

Все страны, которые посетила, она помнила, но не считала.

Во-первых, ее спрашивали, когда вам назад в Вашингтон.

Во-вторых, ее спрашивали, когда вам из Вашингтона в Огайо.

В-третьих, ее спрашивали, как добраться в Вашингтон из Огайо.

Она всегда отвечала.

Она особо не обращала внимания на погоду. У нее было столько денег, что погода могла быть любой.

Ида особенно не влюблялась, а если любила, то и любила.

Некоторые говорили, пожалуйста, привечайте ее.

Некоторые то и дело говорили. Конечно, она нам нравится.

Ида опять отправилась путешествовать.

Она поехала из Вашингтона в Вайоминг, из Вайоминга в Вирджинию, а потом ей показалось, будто она никогда не бывала в Вашингтоне, хотя, конечно, она бывала, и отправилась туда снова.

Она сказала, что едет туда, только чтобы узнать, почему они плачут.

Чем они там и занимаются.

Она знала, как далеко от одного штата от другого. Она сказала себе. Это все единое целое.

Вот как она оказалась в Вашингтоне, и там должна была начаться ее жизнь. Она не была близняшкой.

Некогда случилось так, что один человек отправился в путь. Он жил в Алабаме, и путь пешком казался ужасно длинным. По дороге он внезапно увидел дерево, а на дереве птицу, а птица открыла рот. Птица сказала, Ида, во всяком случае, очень похожее на Ида, и человек, которого звали Фредерик, увидел эту птицу, услышал ее и сказал, эта птица пересмешник. Фредерик пошел дальше и временами встречал другое дерево и вспоминал, что птица сказала Ида или нечто похожее. Происходило это в Алабаме.

Фредерик записался в армию, дослужился до офицера и приехал в Вашингтон. Там он влюбился в женщину то ли старше себя, то ли моложе, то ли сверстницу. Она не была старше, вероятно, моложе, очень вероятно, что его сверстницей она не была.

Звали ее не Ида.

Ида была в Вашингтоне.

Возьмем двух собачек, черных собачек, одна женского пола, другая мужского, и собачка женского пола не смотрится так глупо, как собачка мужского пола, совсем нет.

Ида не смотрелась глупо, да и не была глупа.

Хотя могла бы поступить.

Эти слова «могла поступить» – печальнейшие из всех слов*.

Иде было очень хорошо.

---

* Строчка заимствована из стихотворения «Мод Мюллер» американского поэта Джона Уиттьера (John Greenleaf Whittier, 1807–1892): Могла бы поступить! – вот самые печальные из слов, слетавших с языка или оставленных пером. Переводчик неизвестен.

Часть четвертая

Итак, Ида поселилась в Вашингтоне. Вот как проходил ее день.

Ида пробуждалась. Через некоторое время поднималась с постели. Затем окончательно вставала. Съедала что-нибудь. И садилась.

Это Ида.

И Ида начала свою жизнь в Вашингтоне. Вскоре собрались и другие, кто сидел, стоял или прислонялся к стене. Они приходили и уходили. Это шло на пользу им и Иде.

Ида сказала, я беспечна. Я не хочу завоевать его, чтобы он ушел. Если он уйдет, у меня его не будет. Ида сказала, я могу сосчитать всех до десяти. Как дойду до десяти, перестану. Когда она это говорила, люди ее слушали. Их увлекал ее счет, а считала она от одного до десяти. Конечно, они слушали ее.

Ида это понимала, понимала, что нелегко считать, когда слушаешь, но легко слушать, когда кто-то считает.

Все больше людей приходило увидеть Иду. Пришел и Фредерик.

Постепенно Фредерик влюбился в Иду. Ида этому не препятствовала. Он не признал-

ся ей в любви. Он не сказал, этого он не сказал.

Затем он признался, и они стали жить вместе.

Он женился на ней, она вышла за него замуж.

Затем вдруг, совсем не вдруг, их отослали, он ведь служил в армии, они собрались и решили уехать в Огайо. Не сегодня-завтра они поедут в Огайо.

Они добрались до Огайо, это штат с коротким названием из пяти букв. И вот неожиданно они очутились в Огайо.

Штат Огайо, скорее всего, был вот такой большой.

Все говорили Иде, и Фредерику тоже. Улыбнитесь мне, пожалуйста, улыбнитесь.

Ида улыбалась.

Они поселились в Огайо.

Что же они делали в Огайо.

Ну, пробыли они там недолго.

Поехали в Техас.

Там они осели по-настоящему.

Армейскому офицеру гораздо легче поселиться в Техасе, чем в Огайо.

Однажды Ида сказала.

Странно ли просто гулять.

Однажды в Техасе, и то была не случайность, хотите верьте, хотите нет, сидела ящерица. Вся почти черная, свернулась в клубок, желтизна снизу и сверху, трудно сказать где, она так свернулась, но, вероятно, на животе.

Ида не испугалась, ей показалось, она думала. Она думала, будто услышала, как все вокруг заплакали, а потом все закричали, это не Огайо, это Техас, это не Огайо.

Такая уж Ида странная, для нее было важно, чтобы всё происходило и когда именно и как.

Она устраивалась, она и Фредерик оставались там или в ином месте, пока были вместе.

Все это время Ида была очень осторожна.

Все, что с ней приключилось, не было странно. С самого начала не было странно, Ида странной не была.

Так легко не быть матерью.

И это тоже произошло с Идой.

Она никогда не была матерью.

Никогда.

Ее жизнь в Огайо, которая обернулась жизнью в Техасе, так и сложилась. Она не стала матерью. Не была странной. Она просто знала, что когда-то нужно знать, что они все уедут из Техаса. Они не уехали из Техаса вместе, но уехали все. Она уехала из Техаса, и он уехал из Техаса, то есть Фредерик, и они все уехали из Техаса. Вот и все, с кем они познакомились, когда жили в Техасе.

Все как один уезжая из Техаса, они запирали двери, и когда они запирали двери, никто не видел, как они уезжали. Так и надо уезжать.

Ида всегда уезжала как-то по-особому. Вот так она и уехала из Техаса. Так они поступили.

Она уехала из Техаса и больше туда не возвращалась.

Она никогда никуда не возвращалась, зачем бы ей возвращаться в Огайо или Техас. Она и не вернулась. Ида никогда не возвращалась.

Она не вернулась и к Фредерику.

Ида так и не вернулась.

Она не помнила, сколько лет прожила с Фредериком, сколько лет жила в Огайо и Техасе.

Она даже не помнила, когда была с ним и где, потому что не считала, где бывала, она умела считать до десяти, но удовольствия ей это не доставляло.

Как приятно считать один два три четыре пять шесть семь, затем остановиться и продолжать счет восемь девять затем десять или одиннадцать.

Ида любила считать, но она явно столько не пробыла в Огайо или Техасе и уж точно с Фредериком, от долгого счета здесь толку не было.

Ида любила, когда с ней заговаривали.

Это часто случалось.

Здравствуйте, говорили ей люди, и она говорила им здравствуйте, и они отвечали ей здравствуйте.

Не хотели бы вы не быть Идой, спрашивали они, никогда не быть Идой, а она смеялась, да, никогда не быть Идой, говорили они.

Конечно, нет. Конечно, она всегда предпочла бы быть Идой и была Идой.

Они, все и каждый, говорили, никогда не быть Идой, и эта присказка могла бы стать песней.

Никогда, никогда не быть Идой, никогда не быть Идой.

Ида никогда не слышала, чтобы это пели. Слыша свое имя, она никогда его не слышала. Такова была Ида.

Ну вот, все было кончено, то есть покончено с Фредериком. Ида оставила Техас, как есть.

Перед отъездом она поговорила с Дунканом. Его звали старик Дункан, хотя он был довольно молод. Ему было сорок пять, раньше был полицейским, а теперь шефом полиции и потому не носил униформу, конечно, иначе она бы с ним не разговаривала.

Он спросил ее, где вы были до Техаса. Он спросил ее, когда они несколько раз обменялись рукопожатием, и было это вечером. В Техасе часто бывал вечер.

Из Техаса уехать очень легко, сказала Ида, но не Дункану, она сказала просто так.

Никакого вреда отъезд из Техаса не причиняет, никакого.

Ида сказала, я пока еще не уехала из Техаса, скажите, что он уехал из Техаса, и скажите им это, вы и он, расскажите им о Техасе, вы и он.

Затем внезапно ее позвали, они думали, в Огайо, но ее позвали туда, где она была. Без околичностей взяли и позвали Иду.

Ее там больше не было, потому что ее позвали.

Дункан сказал ей, то есть не сказал, поскольку ее позвали, но все равно, сказал ей, что он не уезжал из Техаса.

Дункан никогда не уезжал из Техаса, только один раз в Теннеси. Но к тому времени он никогда не хотел уезжать из Техаса. Бесполезно говорить, что запомнил он только Иду, потому что он ее не запомнил.

Некогда был луг, на лугу росло дерево, на дереве орехи. Орехи падали на землю, и когда землю вспахивали, орехи засыпались, но так и не выросли.

После Техаса Ида уже не жила в деревне, она жила в городе. Она жила в Вашингтоне.

Так и произошло. Вашингтон – город, а город, ну, город есть город. Ида там жила.

Некогда, всякий раз, живя в городе, Ида была осторожна, очень осторожна. Она могла потерять осторожность, стать беспечной, но всякий раз, живя в городе, была осторожна. Была она осторожна и в Вашингтоне. Все, кто приходили, говорили ей, ну ты подумай, Ида.

Вот как это произошло.

Когда все сложилось удачно для Иды и все уже всё понимали, она поняла, чего ей там будет не хватать. И ей не хватало. Не было, и все.

Затем некто заявился и сказал, а вот и я. Он сказал Иде, будь вы со мной, я бы так и сказал, сказал, что она со мной. Право слово, таковы мы в Миннесоте, Миннесота именно такова.

Привет, Ида, сказал некто. А они сказали, а мы нет. Ида сказала, да и я тоже.

Вот каково было Иде. Она сказала, садитесь и плачьте, но никто не последовал ее совету, не тогда.

Для Иды началась жизнь в Вашингтоне.

Там была Ида и еще двое, а Ида все твердила себе.

Был ли кто, был ли там или не был, того там уж нет.

Могло бы стать девизом Миннесоты.

Ей-таки пришлось увидеть тех, кто приехал из Миннесоты, и услышать, как они говорили, Миннесота не стара, верьте или нет, Миннесота не стара.

У Иды началась повседневная жизнь в Вашингтоне.

Некогда было ружье и деревянные цесарки, они автоматически двигались по кругу, то была электрическая игрушка, и если попасть им в голову, голова отваливалась.

Мне кажется, я кашлянула, сказала Ида, и когда кашляла, подумала, что кашляла.

Ида сказала так, а он ее слушал, он был не из Миннесоты.

Некогда Иде случилось быть одной в сумерках, она стояла в поле, прислонившись к стене, скрестив руки, и казалась очень высокой. Затем она пошла по дороге, и шла она медленно.

Она уже была не очень молода. Так уж получилось, она не печалилась, не уставала, не грустила, просто была не очень молода.

Она оглянулась, она была не совсем одна, потому что кто-то прошел мимо и сказал, нынче вечер приятнее вчерашнего, и она ответила да.

Ида опять вышла замуж. За Эндрю Гамильтона из Бостона.

Те, кто родом из Бостона, довольно часто бывают эгоистами, очень часто. Он и Ида сидели вместе, а потом стали жить вместе.

Но нет, сказал один человек, который видел его и был наслышан об Иде, нет.

В Бостоне земля круглая. Хотите верьте, хотите нет, в Бостоне земля круглая. Но они были не в Бостоне, они были в Вашингтоне.

Еще в Бостоне слышен шум океана. Но не в Вашингтоне. В Вашингтоне есть река, Потомак.

Они поженились, не больно волнующее событие, они сделали то, что сделали. Они поженились.

Некогда все, кому было куда податься, никуда не уехали. Вот и они тоже.

Ида вышла замуж снова, на это раз муж был из Бостона, она запомнила его имя. Она дружила со всеми своими мужьями.

Этот был родом из Бостона. Говорят Массачусетс, и когда говорят Массачусетс, вспоминают, как они были свежи и зелены, что ни возьми, да, вот так они и говорили.

В Вашингтоне все было по-другому.

В Вашингтоне все были осторожны и верили тому, что сами говорят.

Кто осторожен.
Вообще говоря, Ида.
Она живет там, где она не.
Что не.
Неосторожна.
Ну да, вот так люди и говорят.
Неосторожна.
Ну конечно.
А кто осторожен.
Это люди и говорят.
А ответ был.
Ида сказала.
О да, осторожна.
О да, вот-вот запла́чу.
Ида никогда не плакала.
О да.
Они все говорят, о да.
И три дня я ее не видел.
Так сказал кто-то, кто-то взаправду так сказал. Уже три дня я ее не видел.
Никто не сказал, что Ида уехала.
Она была на месте. Ида.
Ее муж тоже. И все остальные.

Часть пятая

Политика

Они сказали, что не хотят покупать у Иды. С какой стати они захотят покупать.

Ида и он.

Он приехал не из Луизианы, нет. Такого он был склада. Он не только не приехал из Луизианы, у него к тому же прежде был далматинец, в черных и белых пятнах, и он, этот пятнистый, был убит, не убит, а съеден другими собаками, искали, может он увязался за сучкой, никто ему не сказал, что пес почти мертв.

Никто ему не сказал.

Молодая женщина втайне подкармливала пса сахаром, а когда услышала, что пес мертв, съела сахар.

А человек, который не из Луизианы, добавил только, о да, вот что он добавил.

Он и Ида.

Он бы покупал у Иды, покупал бы, хотя и нет, и да и нет, почему, почему не купить у Иды.

Ида была другом.

Она осталась в Вашингтоне.

Она занялась тем, чего оба хотели, она же понимала.

Не так уж сложно в Вашингтоне.

Она ничего не продала, хотя все хотели купить.

Не в Бэй-Шор.

Не в Луизиане.

А в Каролине.

Не в Северной Каролине.

В Южной Каролине.

Да, он покупал бы у Иды в Южной Каролине, но Ида там не бывала, никогда не была. Она никогда не была ни в Северной Каролине, ни в Южной. Она была в Вашингтоне.

И потому он, ну да, да, он не покупал у Иды.

Только Ида.

Что же Ида сделала.

Да просто знала, кто есть кто.

Она знала. И впрямь знала.

Они же не знали, немногие знали Иду, знали Иду только в той степени, чтобы считать ее одной их своих знакомых.

Столько мужчин на свете.

Как их там кличут.

Там столько мужчин.

Не все они знали Иду.

Итак.

В Вашингтоне можно сделать что угодно. Мало-помалу освоилась и Ида. Она знала Чарльза и улыбнулась, увидев его. Он хотел, чтобы она посвятила ему остаток утра. Остаток утра. Она и сама была очень занята. Она

сказала, ей всегда нечего делать, но остаток утра она ему не посвятит.

Вудворд не умрет от досады, если не получит то, что купил у Иды.

Они всегда покупают дважды в день, но утром лучше всего. Вудворд был толковым покупателем, и от досады, конечно, не умер.

Не будь он больше в Вашингтоне, умер бы он от досады?

Каждое утро Ида улыбалась. Она много отдыхала, отдыхала даже вечером.

Станет Вудворд приходить и уходить, когда ему угодно?

Это вопрос, и большой вопрос, а Ида могла бы ответить, она могла ответить на любой вопрос, но ей было не очень-то интересно.

Умер бы Вудворд от досады, если б уехал из Вашингтона. Кто-то остановил Иду и спросил, а она не ответила.

Потом сказала да. Да, сказала она и ничего не добавила.

Да, сказали ей, да, умер бы Вудворд от досады, если б уехал из Вашингтона?

Почти растерявшись, Ида сказала да, она замерла, затем пошла дальше.

Никто никогда не ходил за Идой следом. Что проку следовать за Идой?

Ида видела сон. Ей снилось, что вот они, а с ними мальчик. Кто-то дал маленькому мальчику большой пакет, где что-то было, и мальчик отправился поблагодарить. И больше не вер-

нулся. Они пошли разузнать, что с ним приключилось. Его не было, но была дама, она лежала, а вокруг расхаживал огромный лев. Где, спросили они, мальчик. Лев его съел, сказала дама, а пакет, да он съел все, но ведь мальчик пришел поблагодарить вас за пакет, да, я знаю, но так уж вышло, я этого не хотела, но так случилось. Я очень люблю льва. Они ушли удивленные, и тут Ида проснулась.

Ида часто встречала мужчин, и кое-кто из них надеялся, что она им достанет что-нибудь. Она всегда доставала, не потому что хотела, чтобы у них это было, а потому что всегда выполняла, когда просили.

В самый маловероятный момент Ида потерялась, потерялась, говорили, о да потерялась, как потерялась, да ну просто потерялась. Ну, если потерялась. Да конечно потерялась.

Ида вела очень легкую жизнь, то есть вставала и садилась, уходила, приходила, отдыхала и ложилась спать.

В иные дни она отдыхала больше.

Для всех делала, что могла.

Однажды чей-то отец, еще в молодости, сам этого не делал, а его друг да. Украл что-то.

Когда пришел полицейский, никто этого друга не знал. Скорее всего, тот, кто позже стал отцом, знаться с ним не пожелал. Они приехали не из Африки, они приехали из Северной Каролины и Колорадо. Позднее у отца родился сын, маленький сын, и тот в юности связался с ворами. Тогда они жили в Мичигане, в об-

щем, украв однажды, они продолжали красть. Отец тревожился, тревожился, как бы не пришла полиция и не сказала, что ваш сын вор, он ведь в молодости, еще в Северной Каролине отказался признать друга, который крал. Он сказал тогда полицейскому, что в жизни не знал этого человека, хотя, конечно, знал. А теперь в Мичигане, вероятно, его сын промышлял кражами. Вдруг придет полиция, и как же он скажет, что знать не знает собственного сына. Он, возможно, и скажет, конечно, он может, скорее всего так и скажет.

Ида сказала ему, я его попрошу. Она имела в виду, что все в порядке, запросто, и ни у кого не будет проблем. Ида всегда так себя вела. Она встретилась с подходящим человеком, все сложилось как надо, он сказал, да, да, все нормально, и, конечно, все сложилось нормально.

Иде ни к чему были неприятности, ей нужно было только отдыхать, и она отдыхала. Вот так.

Одно время Ида часто, почти каждый день уходила. На самом-то деле уйти она не могла, нет, у нее же не было матери, бабушки, сестры или тетки.

Она грезила о том, чтобы одежда стала как испанское мороженое. Она не понимала, почему грезит об Испании. Она была замужем в Вашингтоне, там было мороженое, была одежда, но Испании не было. Испания так и не появилась, но были и мороженое и одеж-

да, одежда и мороженое, политика, генералы и адмиралы, одежда и еда, она была замужем и жила в Вашингтоне.

Она не уезжала из Вашингтона.

Нет, больше не было обычных дней. Она грезила, если ты стар, тебе нечего есть, в деньгах ли, размышляла она, все дело.

У Иды была приятельница по имени Кристин. У Кристин была китайская собачонка по кличке Уильям. Кристин уехала, забрав с собой Уильяма. Она собиралась оставить его, но передумала.

Когда Кристин уехала, она многое успела.

О Ида.

Ида больше не была замужем. И чувствовала себя славно.

Вокруг было то, что нашли. И тут же все захотели прийти.

Ида не уезжала из Вашингтона.

Она отдыхала.

Кто-то спросил. Где Ида.

Следует ли ей уехать, спросил кто-то. Как это уехать?

Каким образом, спросили.

Как Ида.

Нет, сказала Кристин, и за это ее поблагодарили.

В Монтане жил-был одинокий человек, хрупкий, но курил трубку. Не тогда, а позже.

Был он одинок и бледен. Невысок. Совсем невысокий. Одиноко ходил повсюду. Понимал, что тучных в Монтане не бывает.

Поэтому время от времени он старался не худеть.

Дорогая Монтана, и вот как он уехал.

Уехать из Монтаны дело недолгое, но долго толстеешь, наращиваешь плоть, приобретаешь розовые щеки и здоровый вид, делаешь прививки и все прочее.

В Монтане он никогда не терялся. Скорее всего нет, потому что в Монтане он осторожничал.

Он умел вести себя осторожно, и осторожничал в Монтане.

В общем, он всё планирует.

В Вашингтоне он достиг большого успеха. Ну еще бы.

В политическом отношении.

Внезапно пошел снег, в горах похолодало, и он уехал из Монтаны.

Тогда-то он и начал курить трубку.

Тогда-то он и добился успеха в Вашингтоне.

Тогда-то Кристин и ушла от него, конечно, она опять ушла. Теперь он познакомился с Идой. Но не с целью жениться. Пройдет еще немало времени, прежде чем Ида вновь выйдет замуж.

Ида кружилась, танцевать означает кружиться, кружиться означает танцевать, и Ида танцевала, непринужденно болтая руками перед собой.

Она все еще обитала в Вашингтоне.

Некогда, довольно часто, бывал в Вашингтоне один мужчина, человек осторожный. Он

прибыл из Висконсина, хотя родился в Вашингтоне, в городе Вашингтон, не в штате Вашингтон.

Он Вашингтон полюбил вполне.

Вскоре он занервничал, и со стороны это походило на осторожность. Вам тут нравится, спросили его. Тогда он ответил нет. Тем не менее, они были вполне готовы привыкнуть.

О, поверьте мне, сказал он, а еще горы, сказал он.

Конечно, в городе Вашингтон нет гор, зато есть памятники. О, поверьте мне, сказал он, в Висконсине горы есть. И ему все поверили.

Однажды в снегопад он остался дома. Я останусь, сказал он, я останусь дома, и поскольку буду дома, я буду думать, а думая, скажу, что я в раздумьях. Так он и поступил, остался дома, стал думать, и, думая, думал, что будет думать. Что и делал.

Постепенно он задумался, о чем же думает. Он подумал, до чего это приятно, и затем сказал, иначе я не могу.

Конечно, он не мог, он не мог иначе, дорогой Мэдисон, дорогой Висконсин.

Он родился в городе Вашингтон, но просто так получилось.

Ида была в Вашингтоне, она не думала, все это время она страдала из-за его раздумий, а затем он перестал думать о своих раздумьях.

Дорогая Ида.

Ида, вполне вероятно Ида была не только в Вашингтоне, но скорее всего он не за-

был бы расплакаться, услышав, что Ида никогда не уедет из Вашингтона.

Никогда не уехать из Вашингтона.

Разумеется, в конечном итоге она уехала.

Но пока Ида не могла поверить, что так будет лучше.

Быть в Вашингтоне.

Она знала, знала лишь, что не может отдыхать.

Она все сделала.

Ида сделала.

Ну все, достаточно, сказал кто-то.

И тогда Ида вошла, села и стала отдыхать.

Когда Ида была кому-то нужна, она отдыхала. Это было нормально, это и было нужно Иде.

Некогда был город, состоял он из кварталов, в каждом квартале была площадь, а на каждой площади скульптура, и на каждой скульптуре была шляпа, и все шляпы долой.

Где была Ида, где была Ида.

Она была там. Она была в Вашингтоне, и она говорила большое спасибо, просто огромное спасибо. Ида была в Вашингтоне.

Большое спасибо.

В Вашингтоне она жила долго.

Вот так.

Живя в Вашингтоне, она была благожелательна с политиками, очень благожелательна. Говорила политикам, как это любезно с их стороны, позволить ей доброжелательность. Она была очень доброжелательна, да.

Вообще-то утром она не вставала. Хотела бы смочь, и они хотели, чтоб она смогла, но в этом вовсе не было необходимости.

Когда же она была на ногах и встречалась с ними, она была доброжелательна.

Она встречалась с семью или восемью, но одновременно беседовала с одним или двумя, и каждый раз это длилось подолгу. Она никогда не уходила, всегда оставалась.

Вот что они говорили.

Здравствуйте, говорила Ида, как вы себя чувствуете, когда я встречаюсь с вами, спрашивала Ида, прямо так и говорила, и им это нравилось.

Конечно, нравилось. Уставать она не уставала, но иногда лежала в шезлонге.

На самом деле, Ида знала не политиков. Не в политике дело, а в услугах, это Ида любила.

Она знала, что это любит.

Все знали, что она любит оказывать услуги и хочет оказывать услуги всем, кто ее просил, и было совершенно естественно, что те, кто мог оказать услугу, оказывал ее, когда она просила.

Так оно и происходит.

Некогда жил один человек по имени Генри, Генри, Генри звали его. Говорил всем, мол, какое имя ни используй, зовите его просто Генри. Он приехал в Вашингтон, родился в Сан-Франциско и обожал языки, ленив не был, но зарабатывать не любил. Он знал, что каж-

дый, узнав его поближе, конечно, будет называть его Генри. Ида называла.

Как-то раз она отдыхала, и кто-то пришел, человек, которому нравилось навещать Иду, когда она отдыхала. Он, возможно, хотел на ней жениться, но так и не женился. Он понимал, что рано или поздно все узнают, кто такая Ида, и поэтому привел с собой Генри. Генри немедленно попросил ее об услуге, он хотел поехать туда, где можно говорить на разных языках, а больше ничего делать не придется. Ида отдыхала. Она улыбнулась.

Очень скоро Генри заполучил то, чего хотел, но так и не узнал, Идина ли в том заслуга, однако пришел навестить Иду, не поблагодарил ее, а просто улыбнулся, и она улыбнулась, она отдыхала, и он ушел.

Такова была Ида.

В Вашингтоне.

Прошел год, Ида не ведала, сколько прошло времени. А прошел год. Когда прошел год, она не была замужем.

Когда прошел год, она жила в Вашингтоне.

Ее попросили остаться, и она осталась.

Некогда жил человек по имени Юджин Томас. Приятный был человек, не старше Иды. Выжидал после нескольких осторожно выбранных встреч и визитов, и все его приглашали. Его спросили, Юджин, ты женат, и он ответил, возможно, прежде был. Он никогда не был женат. Вот что странно, он никогда не был женат. Ему нравилось думать, что Ида прежде

была замужем, и она была замужем, конечно, была.

Так и продолжалось.

Ида не устала, она так и жила в Вашингтоне.

Юджин Томас большей частью тоже там жил.

Если у дома есть окна, а в любом доме они есть, всякий может стоять у окна и смотреть.

Он был странный человек, этот Юджин Томас, говаривал, Богатеешь с умом, приносишь удовольствие в дом. Удовольствие для нее и для него.

И по этим причинам Ида не очень-то жаждала видеть его. Ида никогда ничего не жаждала. Ида уставала. Время от времени она узнавала о чем-нибудь все и доподлинно, и тогда все замолкали, а Ида глядела в окно и не так уставала.

Иде трудно было запомнить, что она говорила.

Она же говорила, я запоминаю все, что говорила. Вот как она говорила.

Юджин Томас попал в наводнение. Поэтому он не женился на Иде. Поток подхватил его и унес. Наводнение произошло в Коннектикуте, он едва не утонул и из-за этого больше никогда не появлялся в Вашингтоне. Но между тем Ида стала задумываться, задумываться, не лучше ли уехать из Вашингтона и направиться еще куда-нибудь.

Не то, чтобы она тут же уехала, она еще отдыхала. Она встречалась со многими обитателями Вашингтона, и, встретив ее, все на нее обращали внимание. Все знали, что это Ида, но не при встрече, встреча еще ничего не означала, а слыша о ней, слыша, что она и есть Ида, они и узнавали все, что Ида будет делать. Приятная была Ида. Даже уставая, возвращаясь домой после визитов, не считая всего остального, Ида оставалась приятной.

Итак, Ида жила в Вашингтоне.

Однажды, и это повторялось опять и опять, кто-то что-то ей сказал, сказали так, о Ида, видишь ли ты меня. О да, сказала она. Не бывало, чтобы Ида кого-то не видела, она всегда видела каждого и говорила, что видит всех. И видение свое не меняла.

Он сказал, Ида, вас зовут Ида, не так ли, да, сказала она, а он сказал, я так и подумал, что вы Ида, и решил, что ваше имя Ида.

Так и есть, сказала Ида.

Они сели.

Она не спросила его имени, но он, конечно, представился. Он сказал, что его зовут Джеральд Ситон и он обычно не любит гулять. Он сказал, что не очень высок, не очень тучен, не слишком красив и часто размышляет о том, что жить в Вашингтоне весьма приятно. Он жил в Вашингтоне, но подумывал уехать. Что думает об этом Ида? Она ответила, что, по ее мнению, очень хорошо отдыхать пополудни. Конечно, согласился он, и они никуда

не ушли, посидели еще, а затем что-то выпили и подумали, что хорошо бы поесть, и вскоре решили, что уже вечер, хотя вечер не настал.

Как вы поживаете, Ида, спросил Джеральд Ситон, и она ответила, очень хорошо, благодарю вас, и добавила, что им обоим это известно.

Ида сомневалась, хочет ли замуж, тем более что Джеральд Ситон не делал предложения, но с другой стороны, если Ида и хотела выйти за него замуж, ну, Джеральд Ситон мог уехать и опять вернуться, а если в его отсутствие Ида все еще хотела бы выйти замуж и хотела бы потом, когда он вернется, вышла бы она за него?

Ни о чем таком никто из них не высказался. Джеральд Ситон еще не уехал, а Ида еще не хотела замуж, но, но. У Иды были друзья, она жила у них, и они полагали, возможно, они полагали, что Ида выйдет замуж снова, возможно, за Джеральда Ситона.

Кто такой Джеральд Ситон, спросил муж жену, а кто есть любой человек, ответила жена мужу, им нравилось сидеть подле Иды, пока она отдыхала.

Ида всегда могла пользоваться гостеприимством супружеской пары, ни муж, ни жена не были против, всегда хотели облегчить ей жизнь, ей и так жилось легко, они хотели, чтоб она все-таки вышла за замуж за Джеральда Ситона или кто он там, сейчас был Джеральд Ситон, и он уезжал. Никто не стал бы утверждать, что он не уедет.

Видите ли, Эдит и Уильям по-прежнему разговаривают об Иде, как и все остальные. Имеет это значение для Эдит и Уильяма? Вполне достаточное, чтобы, как и все остальные, дальше обсуждать и говорить про Иду.

Эдит с Уильямом и были той супружеской парой, у которой жила Ида.

Их не обуревали тревоги и амбиции, они не коллекционировали что попало, тихая была пара, хотя и богатая, и они беседовали друг с другом.

Ну в самом деле, сказала Эдит, можешь ли ты и дальше делать то, что делаешь. Можешь ли ты и дальше делать то, что делала. Вот так, сказала Эдит Уильяму, я и спросила Иду.

Уильямс рассмеялся и ударился в поэзию.

Что за шанс

Как пасьянс.

Он посмотрел на Эдит, рассмеялся, и они оба засмеялись.

Эдит все беспокоилась, а Уильям начал снова.

Что ей нужно,

Есть сполна.

Эдит сказала, что Уильям неразумен, ибо Джеральд Ситон уедет.

Имеют то, что заслужили, сказал Уильям.

Глядя на Уильяма, не ожидаешь, что он заговорит поэтически.

Он любил бродить в саду.

Эдит волновалась, не взаправду волновалась, но любила волноваться и любила это по-

казывать, и, разумеется, волновалась лишь об Иде.

О боже, сказала она, они имеют то, что заслужили, сказал Уильям, ласково потрепав жену за подбородок.

Веселей, Эдит, сказал Уильям, давай поговорим об Иде.

Им нравится, куда они направляются,

Прошептал он.

А Эдит сказала, помолчи.

На этом закончим, сказал Уильям после паузы, и они решили, ладно, поговорим об Иде, но тут вошла Ида, не отдыхать, а просто пришла. Они замолчали, прекратили говорить о ней.

Эдит и Уильям, не взглянув на Иду, заговорили. Как думаешь, спросил Уильям, как ты думаешь, если и когда мы на что-нибудь решимся, каково это будет? Вот что сказал Уильям, а Эдит глядела в окно. Они были не в одной комнате с Идой, хотя и могли быть. Эдит порадовалась возможности постоять, и потому глядела в окно. Полуобернувшись, она заметила Уильяму, ты, кажется, сказал, что сказала Ида. Тогда встал и Уильям. Теперь они оба стояли. Для неожиданно вошедших было бы неестественно увидеть, что они стоят. Ида не вошла, Эдит отошла от окна, а Уильям остался у окна и видел, как кто-то вошел, но не Джеральд Ситон, потому что тот уже уехал.

Пусть это послужит ей уроком, сказала Эдит Уильяму, но, естественно, первым сказал

это Уильям. Жизнь с Эдит и Уильямом протекала мирно, и оба равно могли видеть Иду весь день, каждый день, хотя теперь они, возможно, не считали необходимым осторожничать, но в будущем станут, когда поймут что такое.

Сейчас не раннее утро и не поздний вечер, а ровно посередине.

У Эдит и Уильяма была мать, но она жила отдельно. Она собиралась их навестить, но дня не назначила. Уильям прежде был женат, и у него был сын, Эдит прежде была замужем, и у нее была дочь от этого брака, так что, естественно, еще одного ребенка они не завели. Жить у них было удобно, но Ида могла уехать.

Это был приятный дом, если у дома есть окна, а в любом доме они есть, всякий может стоять у окна и смотреть.

Ида никогда не стояла. Она отдыхала.

Было лето, в Вашингтоне довольно жарко, Эдит и Уильям собирались за город. Ида жару переносила легко, как и Джеральд Ситон. Он вернулся в Вашингтон.

Как жарко в Вашингтоне летом, и как все жители Вашингтона ощущает жар жары!

Все прошло легко, Ида стала миссис Джеральд Ситон, и они уехали насовсем.

Прошло немало времени, прежде чем они высказали все, что должны были высказать, все, что Вашингтон имел сказать про Иду и Джеральда Ситона. Естественно, пока они были там, а не с тех пор, как поженились и уехали.

То было не единственное, что следовало сделать, но они так сделали. И жили в других местах вместе как муж и жена. Каковыми они и были, поскольку поженились, Ида стала миссис Джеральд Ситон, а Ситон был Джеральд Ситон, и оба носили обручальные кольца.

Часть шестая

86 Они жили в квартире не очень большой и не очень маленькой. И жили там почти каждый день. Они были не в Вашингтоне, а далеко от Вашингтона, они были в Бостоне. Там они жили, будто Ида не была Идой, а Джеральд Ситон женился на какой-то женщине. Так они жили довольно долго. Затем произошли некоторые события, одним из них стал их отъезд из Бостона. Ида много отдыхала, ей нравилось жить в небольшой квартире, она никогда не жила в большой, потому что они с Джеральдом могли слышать друг друга из разных концов квартиры, и это доставляло ей удовольствие, она любила слышать кого-нибудь, любила отдыхать, и Джеральд Ситон ее радовал. Почти все радовало Иду, хотя все только о ней и говорили.

По виду не скажешь, что Джеральд Ситон преисполнен идеями, но он был приятным человеком и кое-какие идеи у него были. Он любил повторять, Ида знает множество людей, если я знакомлюсь с ними, я восхищаюсь теми, кого знаю, а если я восхищаюсь теми, кого знаю, я становлюсь на них похожим,

то есть я не выгляжу как они, но они похожи на тех, кого я знаю.

Иде нравилось знать, что Джеральд дома, и нравилось слышать его голос.

Джеральд часто говорил, я не имею в виду, я сам, когда говорю я имею в виду, что я имею в виду, я знаю, что чувствую, когда время от времени я прихожу, и это так. Я очень занят, говорил Джеральд, раздумья не отнимают у меня много времени, я не думаю, то есть я не ощущаю, что мне не нравится думать.

Все это было интересно Иде, а равно то, как он говорил, я никогда не думаю об Иде, все толкуют об Иде, но я об Иде не говорю и не прислушиваюсь, когда вокруг о ней говорят. Я думаю, говорил Джеральд, я думаю об ином человеке, ни один, о ком я мог бы подумать, на Иду не похож, совсем нет. Вот что говорил Джеральд, он взаправду так говорил, и так обстояли дела.

Ида не бездельничала, но не часто выходила и возвращалась, она ничего не делала, она отдыхала, и ей нравилось, что Джеральд рядом, и нравилось знать, что он разговаривает.

Они так и жили в своей квартире, но не в Вашингтоне, а позднее они не жили и в Бостоне.

Если вас никто не знает, это не значит, что вы неизвестны, никто не знал Иду, когда они уже не жили в Бостоне, но это не значит, что она была неизвестна.

Она уезжала и приезжала, и никто никогда не говорил, что им это надоело.

Вот что произошло. Она чувствовала себя очень хорошо, ей не всегда было хорошо, но она чувствовала себя хорошо.

Однажды она увидела, как он пришел, она знала, что он здесь, но к тому же видела, как он пришел. Он пришел. И сказал, о да, я да. Она сказала спасибо, они больше никогда не встречались.

Вудворд Джордж всегда работал, и ему всегда радовались. Ида сказала, приходите снова. Он приходил очень часто. Приходил он один, и когда приходил, там присутствовало по меньшей мере с полдюжины человек, и все говорили, о боже, пусть бы настал вечер.

Впечатление было почти такое, будто Ида и Вудворд станут постоянно встречаться, но Вудворд уехал, а поскольку они были на разных континентах, Ида на одном, а Вудворд на другом, казалось, они никогда не встретятся. Но континент всегда можно сменить, но не поэтому Ида и Вудворд не всегда встречались.

Весьма вероятно, Ида не жаждала встречи, как и Вудворд. Ведь, сказала Ида, мне нужна своя жизнь, и у Иды была своя жизнь, она жила своей жизнью и продолжает.

О боже, сказала Ида, она отдыхала, она любила вставать, когда отдыхала, а затем опять отдыхать.

Вудворд стал писателем, затем стал портным, но не в Вашингтоне и не в Бостоне. Ида чуть не заплакала, когда встретилась с его бра-

том. Она спросила, как вас зовут, и он ответил, Эйбрахэм Джордж. О боже, сказала Ида и взглянула на него. Эйбрахэм Джордж был писателем, но не стал портным, как его брат, они с Идой все время беседовали. Эйбрахэм даже расспрашивал Иду, он сказал, знаете, я думаю, вы очень приятный человек, и Ида ответила, конечно, и добавила, мне нравится оказывать людям услуги, а он сказал, окажите мне услугу, она спросила, какую, и он ответил, я хочу стать вдовцом, а она сказала, да, конечно, не рассмеялась, но смотрелась очень приятно, когда отдыхала и ждала. Да уж. В конце концов, для нее важнее был Джордж Вудворд, а он был далеко, очень далеко.

Она все еще была замужем за Джеральдом Ситоном, и менялись дома, один за другим, но нельзя было сказать, что они не были вместе.

Однажды они снова уехали, на этот раз очень далеко, они отправились в другую страну и там поселились. Это был небольшой дом, место называлось Бэй-Шор, удобный для жизни домик, они обзавелись друзьями, и среди них у Иды была подруга по имени леди Хелен Баттон. Как вы поживаете, приветствовали они друг друга. Ида выучилась прямо так и говорить. Как вы поживаете.

Иде нравилось в Бэй-Шор. Место ей не принадлежало, скорее, ну, она принадлежала ему. Как поживаете, говорила она, когда ее навещали.

Повидаться с ней приходили многие. Конечно, она была замужней женщиной, с ней был Джеральд Ситон. Как вы поживаете, вот что ей говорили, иногда забывали обратиться так к Джеральду, но Джеральд, человек воспитанный, всегда говорил, о да, заходите, о да, заходите.

Она жила там, и Джеральд жил там, они

жили в одной квартире, разговаривали друг с другом за обедом, а когда отдыхали, не очень, каждый отдыхал по-своему.

Ида узнала о пустующем доме, когда увидела его, но сама не осмотрела, не познакомят ли ее с кем-нибудь, кто осмотрел бы дом. Никогда, ни единого разу слезы не выступали у Иды на глазах.

Никогда.

Все знали, что одним из двух был Эндрю. Он был настолько одним из двух, что представлял собой обоих. Звали его Эндрю, и был он невысок, совсем невысоким.

И тем не менее оказалось важным, что он приходил или уходил.

Ида не знала, что будет там, куда он пришел и откуда ушел, но была там.

Ида была.

У Эндрю не было надрыва в голосе, не было слез в глазах, он мог плакать, но это совершенно другое дело.

Ида это понимала.

Постепенно Ида поняла все. И то было первое, что она поняла, взаправду первое.

Откуда-то Ида знала, кто такой Эндрю, и верьте не верьте, Ида его видела.

Видел ли он ее или нет, не так интересно. Эндрю был не из тех, кто что-то замечает. Естественно, нет. Замечали его.

И так вы себя чувствуете, не правда ли, спросила Ида.

Ида деловито отдыхала.

Выходя, Ида не брала с собой зонтик. Дождик был не сильный, совсем не сильный, а раз в неделю Ида выходила погулять, и сегодня был именно тот раз, когда она вышла погулять.

Раз в неделю считается два дня подряд, один за другим, и то был второй день, и Иде грезилось.

И хватит об Эндрю.

Начала толком и не было.

С Эндрю его и не могло быть, где он был, там он и был. Всякий мог это знать, а Ида, ну, Ида не знала, и Эндрю озирался, когда она была, и увидел ее.

Она была замужем за Джеральдом, оба были уже в возрасте, но это их не беспокоило. Они беседовали друг с другом, по крайней мере иногда, каждый день, временами по вечерам, но и все, а когда надо было поговорить, она окликала его, и он не отвечал, а когда он окликал ее, она обычно не отвечала, но порой они бывали дома одновременно. Как бы там ни было, они были женаты, и так продолжалось довольно долго.

Эндрю Иду не заметил, но увидел и ушел на встречу с кем-то, кого назвали в честь святого, то был человек, названный в честь святого Фомы, и звали его Томас, и Эндрю встретился с Томасом, то есть Эндрю отправился на встречу, то есть встретиться с Томасом, который гулял, не гулял, а читал на прогулке, потому что за ним водилась такая привычка.

Был Эндрю, а потом пришел Томас.

Все молчали, они тоже, а затем все ушли. Эндрю ушел первым.

Позднее вышла погулять Ида, начался дождь, но к тому времени Ида была уже дома, читала, она уже не гуляла. Каждый читает по-своему, и Ида читала по-своему.

Эндрю никогда не читал.

Разумеется, нет.

Ида была беспечной, но не до такой степени. Да, она читала, но никогда не забывала поднять глаза, когда видела Эндрю.

Ида вышла прогуляться вместо того, чтобы сидеть в саду, оно и к лучшему, поскольку так она могла со всеми встретиться, остановиться, поговорить, а в результате могла встретиться с ними снова, и если да, иногда она встречала тех, кто по той или иной причине плакал. Ида не возмущалась, что люди плачут, но с чего ей самой было плакать, ведь у нее был сад, дом, собака, и она часто кого-нибудь навещала. Очень часто вчетвером, но не более того.

Все это не имело никакого отношения к Эндрю, он в каком-то смысле никогда не вы-

ходил гулять, а если и выходил, никто его, конечно, не встречал.

Эндрю никогда не исчезал, да и как бы он исчез, если всегда находился там, и постепенно Ида тоже стала появляться там. Как вы поживаете. Так она говорила, встретившись с ним.

На самом-то деле она его не встречала, никто не встречал, потому что он всегда был там, и они были там, и никто не встречал его, и он никого, но Ида встречала, она встречала его.

Эндрю, позвала она его, Эндрю, негромко, просто Эндрю, и она не позвала его, а просто промолвила Эндрю. Никто Эндрю просто так не говорил Эндрю.

Эндрю не оглянулся, когда Ида его позвала, но вообще-то она и не звала его. Она не видела его, потому что он был весь в себе, и она промолвила Эндрю, вот так запросто. Вот это его и поразило.

Ида любила темноту, ибо в темноте можно зажечь свет. И зажигая свет, она видела, а видя, она увидела Эндрю и сказала ему. Вот ты где.

Эндрю был там, это продолжалось не очень долго, долго, но не очень, прежде чем Ида стала часто видеться с Эндрю, а Эндрю с ней. Он даже приходил с нею свидеться. Он приходил свидеться с ней, была она или ее не было.

Ида постепенно стала бывать там всегда, когда он приходил, и Эндрю всегда приходил.

Он приходил неизменно.

Будьте добры, примите во внимание, что я в состоянии решить, когда и почему я прихожу. Так не без колебания сказал Эндрю Иде.

Отныне Ида стала не просто Идой, а Идой, принадлежащей Эндрю, а принадлежать Эндрю значило, что Ида стала больше, чем Ида сама по себе.

Ибо теперь наступила перемена, все изменились, даже Ида изменилась, и даже Эндрю. Эндрю изменил Иду, и она стала более Идой, а Ида изменила Эндрю, и он стал менее Эндрю, и они всегда были вместе.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

Часть первая

Запорошенная снегом дорога.
Кажется шире намного.

Она шла по дороге, ставшей еще шире от снега. Ярко светила луна. С Идой была белая собака, в лунном свете и на снегу собака выглядела серой. Вот в чем дело, сказала себе Ида, вот что имеют в виду, говоря, что ночью все кошки серы.

Без снега и лунного света собака ночью выглядит белой.

Когда Ида повернулась спиной к луне, свет вдруг стал еще ярче, будто иной свет, и будь она из пугливых, свет бы ее напугал, но привыкаешь ко всему, хотя вообще-то к этому она так и не привыкла.

Она спросила себя, что я делаю. Со мной мой гений, я ищу своего Эндрю, и она отправилась на поиски Эндрю.

Было холодно, и когда она вернулась домой, огня в камине не было, дров больше не осталось. В доме жила девочка-служанка, Ида знала, что служанка этими дровами растопила камин у себя, и ее камин еще горит. Она знала. Она постучала в ее дверь и вошла. Служанки

не было, но огонь был. Она пришла в ярость. Она схватила все головешки и перенесла в свою комнату. Затем села, посмотрела на огонь и поняла, что ее гений с ней, вполне можно пойти искать своего Эндрю. Она пошла спать, но спала неважно. На следующий день она выяснила, что Эндрю приезжает в город каждое воскресенье. Она его никогда не видела. Эндрю

был красивым, как и его имя. Ида часто повторяла себе, что никогда не встречала никакого Эндрю, и потому не хотела видеть его. Она хотела о нем слышать.

Она бы выучилась на медсестру, не будь необходимости вставать рано утром. Медсестрой она могла бы искать Эндрю, но чтобы стать медсестрой, надо вставать рано утром. Надо вставать рано утром, если хочешь стать монахиней. И хотя монахиней она могла бы целыми днями думать об Эндрю, Ида так ею и не стала и не стала медсестрой. Она просто осталась дома.

Легко оставаться дома, но не ночью, а утром, даже в полдень и после полудня. А ночью оставаться дома нелегко.

Поэтому Эндрю переименовался в Иду, восемь превратилось в четыре, а шестнадцать в двадцать пять, и все сидели.

Вот почему весь день она сидела. Я же говорю, у нее была такая привычка, привычка сидеть и только раз в день она выходила погулять и всегда об этом говорила. Это заставляло Иду слушать. Она умела слушать.

Вот что она сказала.

Она не сказала, что Ида умеет слушать, но разговаривала так, будто знала, что Ида умеет слушать.

Каждый день она разговаривала одинаково, и каждый день ходила гулять, и каждый день Ида была там, и каждый день она рассказывала о его прогулке, и каждый день Ида слушала, пока говорила о его прогулке. Приятны бывают и прогулка каждый день, и разговор о прогулке, и каждый день, и приятно бывает слушать, как он говорит о своей ежедневной прогулке.

Видите ли, там был он, он опять стал Эндрю, и была Ида.

Если случалась война или еще что, Эндрю все равно мог каждый день гулять и рассказывать о прогулке, которая у него в этот день была.

Вот почему постепенно стало не так важно, что Ида есть Ида.

Так могло случиться, так и случилось, это было не так важно.

Полетела бы Ида, не в одиночку, и, конечно, лучше не лететь вообще, чем лететь в одиночку. Ида стала гулять, никогда не предполагала, что может просто так идти, но ходила, и на сей раз гуляла не одна, а со Сьюзен Литтл.

Поэтому они не пели.

Такое возможно, об этом не надо было рассказывать Иде, да и сама Ида не должна была об этом рассказывать.

Эндрю не было.

Эндрю был дома и ждал ее, и Ида пришла. Такое возможно, Эндрю мог пойти гулять и зайти к Иде, рассказать ей, что он делал на прогулке, и позже Ида могла пойти гулять, вернуться и не рассказывать Эндрю, что она гуляла. Эндрю мог и не услышать, что Ида гуляла. Эндрю гулял, не Ида. Возможно, так лучше.

Каждый может уйти, каждый может пойти гулять и каждый может встретить кого-то нового. Каждому захочется сказать здравствуйте тому, кого прежде не видел, это не играло роли. Ида так не делала, она всегда гуляла с кем-нибудь, словно они гуляли вместе каждый день. И потому Ида была настолько приятной спутницей, что все оставались с ней.

А затем все исчезли, не взаправду исчезли, но никто о них больше не говорил.

Все пришлось переделывать, у Иды был Эндрю, то есть он гулял каждый день, никто о нем больше не говорил, но он не исчез, он говорил о своей прогулке и гулял каждый день.

Итак, Иду оставили в покое, она опять стала сидеть.

И сидя размышляла о своей жизни с собаками, и вот что она вспоминала.

Помню, первой собакой, что я увидела, прежде я видела котов и, должно быть, видела собак, но первой собакой, которую запомнила, был большой щенок в саду. Никто не ведал, откуда он взялся, поэтому мы прозвали его Принц.

Сад был очень приятным, а вот щенок был собакой и вырос очень большим псом. Не помню, что он ел, но, должно быть, ел много, потому что вырос огромным. Не помню, чтобы я много с ним играла. Он был очень приятным и только, как приятны столы и кресла. Вот и все. Затем я встречала множество собак, но интересных не было. Была еще одна собачонка, черная с рыжим, ее кто-то бросил, и она повесилась сама на поводке. Она была не так интересна, как ее смерть. Не знаю, как ее звали.

Затем долго не было никаких собак, во всяком случае, я не замечала. Я слышала, люди говорили, что держат собак, но если я и видела их, то не заметила, и я слышала, люди говорили, что их собака умерла, но я ничего не замечала, а затем появилась собака, не знаю, откуда она взялась и куда делась, но собака была.

Лето еще не наступило, но грело солнце, были деревянные ступеньки, я сидела на них, ничего не делая, подошел коричневый пес, уселся рядом. Я потрепала его, ему понравилось, он положил голову мне на колени, и мы сидели вдвоем. Так продолжалось неделю, каждый день, и затем он исчез навсегда. Не знаю, откуда он взялся, куда делся, как его звали, но знаю, что он был барбет, коричневый, довольно большой, и я навсегда его запомнила.

Затем некоторое время собак не было, потом они появились во множестве, но все принадлежали другим людям.

У собаки должно быть имя, и она должна смотреть на вас. Иногда, если они смотрят, вам неуютно.

Всякая собака новая.

Собаки, которых я тогда знала, чужие, были в основном очень хорошие. Был пекинес по кличке Блондин, он был большой, пекинес должен быть крошечным, но он был большой, как маленький лев, и истый пекинес, наверное, гиганты встречаются повсюду, вот он был гигантским пекинесом.

Ему дали кличку Блондин, потому что он был светлошерстным, такого цвета, как песок. Его полагалось повсюду носить, пекинесов и носят, но этот был, пожалуй, чересчур тяжелый. Он мне нравился. Когда он стоял на столе, весь взлохмаченный, хвост тоже взлохмаченный, он походил на льва, крохотного льва, но свирепого.

Он не любил карабкаться по горам, это были ненастоящие горы, а просто человек на двух стульях, и Блондин должен был взобраться наверх, будто на гору. Блондин считал, что это отвратительно, и был прав. Нет смысла именовать подобное горой, а будь там настоящие горы, Блондина бы там не было. Ему нравилось плоское, столы, пол, дорожки. Ему нравилось разгуливать где вздумается вперевалочку. Ни тебе гор, ни лазанья, ни автомобилей, автомобиль его и убил. Блондин знал, что ему нравилось, плоские вещи и сахар, сахар тоже был плоский, ничем другим Блондин

не интересовался, а однажды автомобиль переехал его, бедного Блондина, и так ему настал конец.

Одна превратилась в двух, две превратились в пять, и следующая собака тоже была небольшой, ее имя Лиллиман, это был черный французский бульдог, он не радовал. Бывают такие собаки, не радуют, и все.

Когда он приходил, ему не радовались, а приходил он довольно часто. Он был красивым псом, не старым, он в конце концов умер, и его похоронили в саду под кустом белой сирени, но ему просто-напросто не радовались.

У него были свои маленькие фокусы, он вечно хотел видеть, что делается там, где чересчур высоко или низко, куда он не мог добраться, и потому всё обязательно разбивалось. Сам он не разбивал, всё просто разбивалось само собой. Никто его не обвинял, но ему и не радовались.

До того как он умер и был похоронен под кустом белой сирени, он встретил другую черную собаку, Дика. Дик был французский пудель, а Лиллиман французский бульдог, оба черные, но друг другом не интересовались. Изо всех сил старались не замечать друг друга. Когда же временами сталкивались, никто не слышал лая, хотя собакам трудно было друг друга не заметить. Но они не замечали. Не замечали иногда целыми днями.

Дик был первым пуделем, с которым я познакомилась, ему всегда радовались, круглень-

кий такой живчик, старый, седой, веселый и приятный, ему радовались всегда.

У него был лишь один недостаток. Он крал яйца, мог даже выкрасть целую корзину, разбить яйца и съесть, кухарка, застукав его, бывало, огреет метлой, но ничто его не останавливало, заметив корзину с яйцами, он крал их, бил и ел. Яйца он любил только сырые, то ли любил их бить, то ли ему нравилось, как они выглядят, то ли просто так, вареными не интересовался совершенно, в общем, это был единственный его недостаток. Может, потому что сам был черным, а яйца поначалу белые, а потом желтые, короче, он мог украсть целую корзинку яиц, разбить их и съесть, не скорлупу, разумеется, а содержимое.

Таков был пудель Дик, очень шаловливый, полон жизни, старый, но полон энергии. Он и Лиллиман, французский бульдог, могли встречаться на одном газоне и не замечать друг друга, никакой связи между ними не было, они просто друг друга игнорировали. Бульдог Лиллиман помер первым и похоронен под белой сиренью, пудель Дик продолжал носиться по окрестностям, совокупляясь с собаками, которые жили где-то далеко, иногда дороги до них было полдня, гонялся за палками и камнями, ему было четырнадцать лет, старый и очень живой, а однажды он прослышал о собаке, жившей где-то далеко и решил, что может ее полюбить, отправился к ней и больше не возвращался, по дороге туда его

переехала машина, он не добрался до цели и не вернулся, так что, увы, бедняга Дик нигде не похоронен.

Собаки есть собаки, иногда думаешь, что нет, но они собаки. И они всегда тут, там, повсюду.

Много собак встречалось мне, одних я знала лучше, чем других, и временами не знала, хочу ли завести собаку или нет.

Была одна по имени Мэри Роуз, у нее было двое щенков, первый был ужасен. Вот что произошло.

Говорят собаки храбрые, на самом же деле они очень многого боятся, почти того же, что боятся дети.

У Мэри Роуз не было резонов пугаться, она всегда была здорова, не думала, что потеряется, многие собаки думают, и это их ужасно пугает, но Мэри Роуз все равно потерялась, несерьезно, просто на один день и еще ночь. Никто точно не знает, что произошло.

Обычно чистая, она вернулась домой вся грязная, потеряла ошейник, который всегда любила, едва приплелась домой, хотя всегда ходила аккуратно. Она была из породы фокстерьеров, гладкошерстная, белая с красивыми черными отметинами. Какой-то мальчишка принес ее ошейник, а вскоре появился и Шоколад, тогда ее единственный щенок, монстр, его прозвали Шоколадом, поскольку он походил на шоколадный торт, или плитку шоколада, или шоколадную конфету, он был ужасен.

Никто, конечно, не желал ему этого, но его задавили, было жалко, да и Мэри Роуз привязалась к нему. Позднее у нее появилась дочь Бланшетт, похожая на мать, но Мэри Роуз ее не любила. Бланшетт была слишком похожа на мать, это совсем не интересно, и кроме того, Мэри Роуз знала, что Бланшетт проживет долго, у нее никогда не будет дочери, и оказалась права. Мэри Роуз умерла в деревне, Бланшетт жила в городе, у нее не было дочери, она никогда не терялась, ни о чем не беспокоилась и постепенно превратилась в очень безобразную собаку, о чем никогда не подозревала, ей никто не говорил, и потому она этим обстоятельством не огорчалась.

Мэри Роуз любила только однажды, так у многих собак, они любят только раз или два, а Мэри Роуз не была любвеобильной собакой, но искусительницей, любила соблазнять других собак делать то, чего не следовало. Она сама никогда не делала, чего не следовало, но они делали, когда она показывала, где и что.

Мелочи так и происходят, но она должна была что-то сделать, когда потеряла единственную собаку, которую любила, своего сына по имени Шоколад. После этого она и стала такой.

Так и вижу, как она в мягком лунном свете соблазняет Полиба вытворять то, что не полагается.

Собакам надлежит нюхать, а не есть. Если они едят что ни попадя, либо они непослушны,

либо у них глисты, Мэри Роуз была послушной, у нее никогда не было глистов, но Полиб, что ж, Полиб не был заброшенным, но его не понимали. Его никогда не понимали. Я думаю, он умер, но точно не знаю. В общем, у него были обязанности, но он их не выполнял, не потому, что не хотел, а потому что не знал, каковы они.

Вот таков был Полиб.

Ему нравился лунный свет, потому что тогда теплее, чем в темноте, но луны он не замечал. Его отец и сестра плясали в лунную ночь на холмах, но Полиб покинул дом так рано, что не выучился плясать в лунном свете, однако любил его, потому что лунный свет теплее темноты.

Полиб был крупной собакой, гончей, с рыжими и черными полосами, как у зебры, только у зебры полосы белые и черные, но такие же одинаковые, передние лапы у него были длинными, все его родичи могли ударом передней лапы убить кролика, вот почему они и плясали при луне, они считали, что гоняются за кроликами, и любую тень принимали за кролика, а на холмах летом, при яркой луне, теней видимо-невидимо.

Бедный Полиб так ничему и не выучился, пастухи рассказывали, что он гонялся за овцами, возможно, приняв их за кроликов, вполне мог совершить такую ошибку, вполне. Другая крохотная собачка была так глупа, что любую ножку стола принимала за свою мать и всегда сосала ее, как свою мать. Полиб был

не так глуп, но почти, короче говоря, Мэри Роуз вполне могла задурить ему голову, возможно, она и нашептала ему, что овцы это кролики. Она могла.

А затем Мэри Роуз ушла далеко. Полиб остался и никого не запомнил. Никогда не запоминал. Таков был Полиб.

Он убежал вместе с поводком и не пытался вернуться назад. Для него назад ничего не значило. Никакой день для Полиба не был днем. Он никогда не лаял, ему нечего было сказать.

Полиб и сейчас где-то, ничего с ним случиться не может, его не могут убить, он не может измениться.

Следующая собака была больше всех.

Когда собака взаправду большая, она, вполне естественно, худа, а когда она большая, худая и передвигается, впечатление такое, будто она не движется. Таких было две, одна, вероятно, умерла до того, как я увидела другую. Я не знала первую, но наслышана о том, что она умела, мне, конечно, довелось видеть ее, но она тогда едва ли двигалась.

Совсем нетрудно двигаться с той же скоростью, что и мы. Поблизости не было других собак, и это хорошо, ибо рассказывали, что она, когда видела другую собаку, ну, что сказать, передвигалась мало, но убивала, всегда убивала любую собаку, попавшуюся на глаза, хотя, убивая, почти не двигалась. Я видела эту собаку несколько раз, но не видела поблизости других собак. И была этому рада.

Вторая выглядела довольно добродушной, тоже почти не двигалась, была очень крупная и казалась худой, хотя худой не была.

Она ступала очень мягко, почти не касаясь земли, была высокой и переставляла лапы так, будто не хотела разлучаться с землей, но все равно отрывала их от земли, совсем чуточку, чуть в сторону, еле-еле, и все. Она прожила долгую жизнь, только этим и занимаясь, еще живет, только это и делает.

Следующая собака, и это важно, потому что она следующая. Ее имя Невер Слипс*, хотя спит она достаточно.

Она была коричневой масти, не темно-коричневой, а светло-коричневой, и у нее было много друзей, они всегда собирались в стаю, и все должны были быть коричневыми, иначе Невер Слипс их в стаю не допускала. Но все это произошло позже, прежде всего она должна была родиться.

Не так легко рождаться.

Жила-была собака, эльзасский волкодав, отличная собака, и было известно, что в зоопарке живет настоящий волк, очень славный. И вот как-то ночью взяли волкодава взглянуть на волка и оставили их в клетке на всю ночь. Волк волкодаву понравился, волку было одиноко, они подружились, позднее у нее родился щенок, очень приятный, и его назвали Невер Слипс. Невер Слипс была дружелюбной соба-

---

* Никогда не спит (*англ.* Never Sleeps).

кой, любила лежать в воде зимой, а летом вела себя чрезвычайно тихо. Брата у нее не было.

Она могла бы стать матерью. Встретила белого пуделя, еще очень молодого, у него не было настоящего щенячьего детства, потому что он был хворым. Его прозвали Баскетом, он и похож был на корзинку. Его взяли на встречу с Невер Слипс и велели им подружиться. Невер Слипс наказали играть с Баскетом и научить его всяким играм. Невер Слипс приступила к учебе, пришлось учить Баскета играть в салки и в «Займи место»*, и она научила пуделя всем этим премудростям.

Она научила его играть в салки, и после того как он научился, позже, уже после его смерти, другой Баскет, на вид точно как первый, продолжал играть в салки. Играя в салки, надо бегать вперед и назад, обегать всякие предметы, вроде бы свернуть в одну сторону, но потом побежать в другую, иная собака, поменьше и не такая шустрая, должна научиться ждать на углу и бежать вокруг в другую сторону, чтобы сократить дистанцию. Иногда, чтобы посмотреть, правильно ли идет игра, большая и более быстрая собака может остановиться, поиграть с палкой или костью и все-таки не быть осаленной. Вот что такое играть в салки, и Невер Слипс научила Баскета в них играть. Затем она научила его играть

---

* «Займи место» – детская игра, при которой участники по команде быстро меняются местами, а один игрок в центре пытается занять свободное место.

в «Займи место», для этой игры нужны деревья. Собакам не дозволяется так играть дома, поэтому им нужно по меньшей мере четыре дерева, если играют три собаки, и три дерева, если две. Невер Слипс предпочитала салки, а Баскет больше любил «Займи место».

Ида не знала, кто знал, что она сказала, она сама никогда не знала, что сказала, потому что она слушала, а когда она слушает, что ж, луна даже едва заметная, все-таки луна.

Вполне вероятно, такая луна была ее луной.

Ида знала, что никогда не была младшей сестрой или даже младшим братом. Ида знала.

Едва ли бывает пусто у постели умирающего.

Хотите верьте, хотите нет, некто и умер.

Он был чей-то сын, и Ида заплакала, ему было двадцать шесть, и Ида заплакала, и Ида была не одна, и она заплакала.

Прежде Ида никогда не плакала, но сейчас заплакала.

Даже когда Эндрю вернулся с прогулки и заговорил о том, как гулял, Ида заплакала.

Странная штука слезы. Ида знала, что нечто странное есть в слезах, она слушала радио, играли национальный гимн, а Ида плакала. Странная штука слезы.

Так вот, Ида сидела, и один за другим кто-то говорил ей спасибо, слышали ли вы обо мне. Она всегда слышала. Это же Ида.

Даже Эндрю слышал, он слышал о них, так он готовился к ежедневной прогулке, пото-

му что слышал обо всех, кто приходил, один за другим.

И Ида больше не плакала.

Однажды она увидела звезду, необычайно большую, и когда звезда зашла, получился крест, Ида смотрела, смотрела и не услышала, как Эндрю пошел гулять, и вполне естественно, ее не было. Ее потеряли. Ида исчезла.

Она встала, осторожно отправилась спать и охотно сообщила всем, что в Техасе ветренее, чем в Сан-Франциско, но никто ей не поверил. Подождите, сказала она, и они ждали.

Она вернулась к жизни ровно позавчера. А теперь послушайте.

Ида любила троих мужчин. Один был офицером, его не убили, хотя и могли, другой был художником и не был в больнице, хотя и мог туда попасть, и еще один был юристом, он уехал в Монтану, и она больше о нем не слышала.

Ида любила каждого из них и отправилась с ними попрощаться.

Прощайте, прощайте, говорила она, и так с ними попрощалась.

Ей было интересно, здесь ли они, она, конечно, не уехала. На самом-то деле она хотела Эндрю, где, о где же был Эндрю.

Эндрю трудно было угодить, поэтому Ида и не угождала. Но она сидела подле него.

Ида влюбилась в молодого человека, который пережил приключение. Он приехал из Канзас-Сити и понимал, что выпало на его долю. Ему было двадцать лет. Его дядя умер

от менингита, отец и двоюродный брат тоже умерли от менингита, звали его Марк, у него была мать, не было сестер, но была жена и свояченицы.

Ида отвернулась, когда они встретились, она знала, что Марк умрет в двадцать шесть лет, он и умер, но до того он сказал, Ради них, они меня любят, ради них, и Ида ответила, как скажешь, Марк. Ида всегда склоняла голову, видя Марка, она была высокой и, увидев Марка, склоняла голову, он был высок, широкоплеч, и Ида склоняла голову, видя его. Она знала, что он умрет от менингита, он и умер. Вот почему Ида всегда склоняла голову, увидев его.

Почему все должны говорить об Иде.

А почему нет.

Дорогая Ида.

Часть вторая

Ида почти вышла замуж за Эндрю, никто не мог этого оспаривать. Было очень важно, что она почти вышла замуж за Эндрю. Кроме того, он был Эндрю первый. Все другие были другие.

Никто не обсуждал цвет Идиных волос, о ней много говорили, но не касались цвета ее глаз.

Она сидела и грезила, что Эндрю солдат. Она грезила, ну, не совсем грезила, просто грезила. Назначен день свадьбы, все заказано. Ида всегда заказывала осторожно, еду одежду автомобили, одежду еду автомобили все тщательно подобрано, назначен день, а потом звонит телефон и говорят, что Эндрю умирает, не убит, просто умирает, и Ида знает, что еду съедят те, кто придет на похороны, автомобили подойдут для похорон, а одежда нет, о боже, одежда не подойдет, и все это было в грезах. Ида была еще жива, был жив и Эндрю, она все сидела, он гулял, возвращался домой и рассказывал о своей прогулке, Ида бодрствовала и слушала, а Эндрю был Эндрю первый, и Ида была Идой, и они были почти женаты, и никто не мог ничего оспаривать.

Часть третья

Всякий мяч должен быть похож на луну. Иде требовалось узнать, что впереди.

Можно быть молодым, до того молодым, что впору пойти плавать. Ида пошла. Не по-настоящему плавать, одна училась, а другой учил.

Таково быть молодым в Сан-Франциско, а бассейн именовался Бани Ларлайн.* Ида была молодой, и он тоже, оба были здоровы, она и он, и он учил ее плавать, склонялся над ней и говорил оттолкнись, поддерживал ее за подбородок, стоял рядом, было неглубоко, и он сказал оттолкнись, и она оттолкнулась, а он шел рядом, поддерживая ее за подбородок, он сказал оттолкнись еще, и она опять оттолкнулась, он стоял очень близко, она сильно оттолкнулась и лягнула его. Он ее отпустил, вскричал, боже правый, мои яйца, и ушел под воду, и она тоже, никто из них не утонул, хотя могли.

Странно, но она никогда не вспоминала о Фрэнке, так его звали, Фрэнк, а фамилию

---

* Бани Ларлайн (Lurline Baths) – общественные соляные бани, построенные в Сан-Франциско в 1894 г.; закрылись в 1936 г.

она никак не могла вспомнить, но однажды, понюхав дикий лук, она вспомнила, как они скрылись под водой, но никто не утонул.

Трудно вернуться к молодости, но Ида почти помолодела, почти никогда не бывала моложе.

Часть четвертая

И теперь внезапно все стало происходить, ну, не внезапно, но происходило. Эндрю был почти Эндрю первым. Это было не внезапно.

Все знали, на что он способен, не что сделает, но что им придется сделать с ним. Ида знала.

Эндрю первый гулял каждый день и возвращался, чтобы рассказать, где сегодня побывал. Каждый день он ходил и всякий раз в тот же день рассказывал Иде, куда сегодня ходил. Да, Иде.

Ида была не старше, чем прежде.

Да, Ида.

Однажды Ида осталась одна. Оставшись одна, она лежала, и когда была не одна, тоже лежала. Все знали об Иде всё, все всё знали. Знали, что, оставшись одна, она лежит, и когда не одна, тоже лежит.

Все знали об Иде всё, все, и все означает все.

Должно быть волнительно, когда каждый знает об Иде всё, но это не волновало Иду, а успокаивало.

На три–четыре

Закрылась в квартире.

Набились сполна
Напились вина*.

Давайте побеседуем, сказала Ида.

И один рассказал, что его брат служил солдатом, дело было летом, он съел яблоко прямо с дерева, он в жизни не ел яблок вкуснее, поэтому он отрезал веточку с яблони, принес домой, а сначала воткнул в землю там, где был, а потом принес домой и посадил, и каждый год у них были яблоки с этой яблони.

Другой рассказал, что его двоюродный брат, когда служил в армии, увидел пастушью собаку, непохожую на других пастушьих собак, каких ему доводилось видеть, и поскольку он был знаком с человеком, который держал овец, взял пастушью собаку домой, отдал ее тому человеку, и теперь все пастушьи собаки ведут свою родословную от той собаки, которую двоюродный брат привез домой с войны.

Еще один рассказал, что у его друга была невестка, а у этой невестки была самая маленькая, самая чудесная рыжая собачка, каких он только видел, и друг спросил у невестки, какой породы собачка и где невестка ее приобрела. О, ответила она, один солдат отдал мне ее для моей дочери, он привез ее домой и подарил моей дочери, теперь она и собачка играют вместе, всегда вместе играют.

Ида слушала их, вздыхала, она отдыхала и сказала, мне нравятся ландыши, а вам, и они

---

* Цитата из песенки One, Two, Buckle My Shoe.

все сказали, что им тоже нравятся ландыши, а один сказал, когда его сестра была медсестрой на войне, она всегда собирала ландыши до того, как они расцветали. О да, сказала Ида.

Так и текла небольшая беседа, и все сказали, что останутся на весь вечер. Они сказали, что если остаются на весь вечер, никогда не темнеет, Ида вздохнула и сказала да, она отдыхала.

Однажды Ида села в поезд, она не любила поезда, никогда ими не ездила, но однажды поехала. Им повезло, поезд все ехал, Эндрю не было. Затем поезд остановился, Ида вышла, но Эндрю и там не было. Его и не ожидали, но все равно его не было. Ида отправилась перекусить.

И вот что произошло с Идой.

У нее спросили, чего она хочет, и она ответила, что съест первое и последнее из того, что у них есть, и ничего в промежутке. Эндрю всегда съедал всё, но Ида, когда была одна, съедала только первое и последнее, она нечасто бывала одна, поэтому ей нечасто удавалось есть только первое и последнее, но на сей раз она так и поступила, и все помогли ей уйти, но нет, не к поезду опять.

Она никогда больше не садилась в поезда. Естественно, нет, она всегда была где-то или отдыхала. Ее жизнь была расписана по минутам, всегда либо то, либо другое, иногда и то и другое, она либо была здесь, либо отдыхала, а порой и то и другое.

Ее жизнь никогда не начиналась опять, ибо всегда была.

Разве не удивительно, что жизнь всегда была. Да, вот именно.

Ида

Да, вот именно.

Часть пятая

Любого Идиного друга могла подкосить любая мелочь.

Не Эндрю, Эндрю был Эндрю первым и обыкновенным.

Почему у моряков, крестьян и актеров больше примет и знамений, чем у других. Это естественно для моряков и крестьян, они живут среди знамений и вместе с ними, но при чем тут актеры.

Ладно, Ида не была ни актрисой, ни морячкой, ни крестьянкой.

Кукушки, сороки, вороны и ласточки суть приметы.

Соловьи, жаворонки, малиновки, иволги нет.

Ида увидела первого светлячка. Все первое есть знамение.

Затем она увидела трех светлячков, тоже знамение.

Затем увидела десять.

Десять не бывают знамением.

И однако что ж она словила?

Она словила и уловила.

Что десять не знамение.

Эндрю был Эндрю первым.

Он был знамением.

Ида не знала, что он знамение, не знала, что он знамение.

Ида отдыхала.

Хуже любых знамений семья, что несет напасти. Ида знала такую семью, само собой, в той семье были одни женщины, в семье, предвещающей напасти, должны быть одни женщины.

Ида знала такую семью, из тех, что если приходишь к ним в гости с собакой, собака поведет себя странно, а когда принесет потомство, щенки тоже будут странными.

В той семье были мать, дочь и внучка, и все три обладали наружностью и манерами красавиц, и не без оснований, они и были красавицы. Бабушка была замужем за адмиралом, который умер, а потом за генералом, который тоже умер. Ее дочь была замужем за доктором, но доктор сумел не умереть, он просто ушел, внучка была еще юной, всего шестнадцати лет, вышла замуж за писателя, никто не ведает каким образом, но вскоре она стала плакать, каждый день плакала, и ее мать плакала, и даже бабушка, и больше она не была замужем за писателем. Потом, в общем, еще в молодости, ей не исполнилось и двадцати одного, ее увидел банкир и сказал, что должен на ней жениться, она, естественно, пока не могла, писатель еще был ее мужем, но вскоре он должен был развестись, поэтому банкир почти что женил-

ся на ней, и, короче говоря, они как-то ехали вместе, автомобиль перевернулся, банкир погиб, а у нее был перелом ключицы.

И тут всем стало любопытно, захотят ли ее мужчины еще больше из-за того, что произошло, или станут ее бояться.

Оказалось, ни то, ни другое. Такое часто случается.

Мужчины после этого просто не обращали на нее внимания. Можно сказать, они не обращали на нее внимания, даже когда ей было двадцать три или двадцать четыре. Даже не интересовались, ни один. Чего ради.

В общем, все понимали, что они не принесут удачи никому, даже собаке, нет, даже собаке.

Знакомство с этой семьей не принесло Иде настоящего бедствия, но после этого так уж получилось, что она ни с кем не встречалась.

Она сказала, так лучше.

Она не сказала, что так лучше, но это было к лучшему. Ида никогда не говорила ничего ни о чем.

Как бы там ни было, отдохнув, она их впустила, всех впустила. Просто так не придет никакая семья, такого бы не произошло.

Итак, Ида отдыхала, и они пришли. Не по одному, а просто вошли.

Так же приходил и Эндрю, он просто приходил.

Он каждый день гулял после обеда и всегда рассказывал, что было на прогулке.

Он гулял каждый день пополудни.

Он любил слушать, как люди рассказывают об удачах и неудачах.

Как-то раз некто рассказал ему целую историю.

Эндрю был таким, уродился с такой жизнью, почему бы и нет. И он так жил, гулял каждый день и ежедневно, поминутно рассказывал что-нибудь, но не говорил, когда слушал.

Он слушал, когда слушал, но слышал, лишь когда просил, чтобы ему рассказали. Он любил слушать об удачах и неудачах, потому что они для него не были настоящими, для него ничего не было настоящим, кроме ежедневных послеобеденных прогулок и поминутного говорения каждый день.

Он спросил, так что вы сказали об удаче и неудаче.

Вот что было.

Всем необходимо беспокоиться из-за пауков, кукушек, золотых рыбок и карликов.

Интересно, сказал Эндрю. И стал слушать.

Паук ночью, услаждаются очи.

Паук поутру, все не к добру.

Ну и, сказал Эндрю.

Что ж, сказал этот человек, который разговаривал, вдумайтесь, о чем говорит паук.

Так, сказал Эндрю.

Паук говорит:

Слушайте меня. Я паук, не путайте меня с небом, я паук, не надо меня путать с небом, небо красно с вечера, моряку боятся нечего, небо красно поутру, моряку не по нутру, не сле-

дует путать меня с небом, я есть я, я паук, паук каждой ночью, услаждаются очи, паук поутру, все не к добру, не путайте меня с небом, небо не я, не путайте меня с собакой, собака ночью воет, горе вековое, собака говорит, яркая луна доводит ее до безумия от желания принести печаль всякому, горе и печаль, собака говорит, ночь темна да яркая луна приносят безумие и горе, но, говорит паук я, я паук, большой ли, маленький ли, все равно, зеленый ли цвет, серый ли цвет, разницы нет, я – паук я знаю, и обладая таким секретом сообщаю всем об этом: паук ночью, услаждаются очи, паук поутру, все не к добру, и если мертвый я ночью, все равно услаждаются очи, услаждаются тех очи, кто зрит меня мертвым ночью, и кто зрит меня мертвым в ночь, того сон не превозмочь.

Эндрю слушал и сказал, что это интересно, и спросил, не знают ли они других суеверий.

Ага, сказал тот человек, есть еще кукушки.

О да, кукушка.

Предположим, вы слышите кукушку.

Я, я, кукушка, не часы, потому что часы отсчитывают время, а я время, что течет, заменю своим в свой черед, а от моего времени толку – деньги с кошелку, я, я, я, кукушка кукует – горести и деньги вещует, но меда никогда не дарует, слушайте меня.

Когда я появляюсь, каждый знает, все знают, моя песнь слышна, когда приходит весна, сладкая песнь всю ночь и весь день. И такой наворот день и ночь напролет.

Слушайте меня.

Если слушаете меня, если услышите меня в первый раз весной, услышите мою песню, и у вас с собой денег полный карман, коль услышите меня весной, будете богаты весь год, любой год, но если услышите меня и вышли без денег, в карманах монеты не звякают, когда слышите, как я пою, будете бедными весь год, бедными.

Но иногда я способна на большее.

Я знаю такой случай, сказал тот человек.

Правда, спросил Эндрю.

Она, да, она, она написала чудную книжку, но никто ее не купил, никто не хотел заплатить за чудную книжку, никто не давал ей денег, никогда никогда никогда, она была бедна, а они нуждались в деньгах, о да они нуждались, она и ее любимый.

Она сидела и сочиняла, мечтала о деньгах, потому что у нее был любимый, и, чтобы жить и любить, нуждалась она только в деньгах, только деньги деньги деньги.

А потому она сочиняла и надеялась, сочиняла и вздыхала, она хотела деньги, деньги, деньги для себя и своей любви, для любви и для себя, деньги деньги деньги.

Однажды кто-то пожалел ее и помог, дал ей денег, не много, чуть-чуть, он был славным миллионером, тот, кто дал ей немного денег, но их было очень мало, а стояла весна, ей хотелось любви и денег, любовь у нее была, и теперь она хотела денег.

Она вышла погулять, стояла весна, она уселась на траву, и у нее было немного денег в кармане, кукушка увидела, как она сидит, и поняла, что девушка бедна, и подобралась поближе, села на дереве и покуковала ей ку-ку, ку-ку, ку-ку, и девушка воскликнула, О, кукушка на дереве поет мне, поет мне, поет мне. И кукушка прокуковала ку-ку, ку-ку, и девушка ей ответила ку-ку ку-ку, и вместе они пели ку-ку, она кукушке, а кукушка ей.

Тогда она поняла, что это правда, она разбогатеет, любовь ее не покинет, у нее всё устроится, деньги, любовь и кукушка – вся троица. Эндрю слушал, а тот человек продолжал.

А теперь о золотых рыбках.

Да, сказала золотая рыбка, я слушала, слушала, а теперь послушайте меня. Я сильнее кукушки, сильнее и вреднее, потому что никогда не приношу удачу, я приношу лишь нищету и бедствие и тому подобное, нет, как от страшного огня нет удачи от меня, я от радости пляшу как несчастье приношу.

Меня покупают, потому что я такая красивая, такая красная и золотая в аквариуме, но я никогда не приношу удачу, только несчастья, несчастья несчастья несчастья.

Послушайте меня.

Жил-был художник, который верил, что он велик и может сотворить все на свете, и творил. Он купил золотых рыбок, и каждый день их писал в своей манере, которой прославился, и потому попросил золотую рыбку: принеси

мне удачу поживей и ослушаться не смей. Все у него было замечательно, он превратил золотых рыбок в золото, ведь картины все подряд шли в продажу нарасхват, деньги слава, все при нем, мы ж решили подождем, пусть малюет сколько хочет, мы свое ему вернем.

И однажды трах, и аквариум, где мы плавали, раскололся на куски, и мы все рухнули, аквариум, и вода, и рыбки, рухнул и художник, крах потерпел художник, и его живопись тоже, он очнулся и понял, что он тоже мертв, и золотые рыбки, и он, все мертвы, но нас, золотых рыбок, всегда в достатке, хватит принести невзгоды любому, но художник и его картины были мертвы, мертвы, мертвы.

Мы хорошо знали свое дело.

Эндрю еще больше заинтересовался, а карлики, спросил он.

Вот как дело обстоит с ними, они говорят, нас двое, мужчина и женщина, если видите обоих, это ничего не значит, но если увидите одного, это означает либо удачу, либо несчастье. И кто приносит что. Несчастье приносит карлица, удачу карлик, все очень просто.

О да, это-то знают все, но если видишь одного из нас и это карлица, придется ходить весь день, пока не встретишь карлика, а иначе может произойти нечто ужасное. Многие подшучивают над теми, кто в это верит, но те, кто верит, знают, карлица несчастье, карлик удача, это непреложная истина.

Тишина.

Внезапно золотая рыбка внезапно с шумом давай извиваться, раздуваться, кричать и визжать, я, я не верю в карликов, ни в карлиц, ни в карликов, закричала она, нет, и в кукушку не верю, нет, и в пауков нет, кроме себя, я верю только в ботинок на столе, о, от этого меня кидает в дрожь и озноб, у меня нет обуви, нет ног, нет обуви, но ботинок на столе невыносимое зрелище, это ужасно, о, да, о, о!

А кукушка сказала.

О ты, несчастная рыба, ты не веришь в меня, несчастная рыба, а я не верю в тебя, рыбу, только и слышно рыба, золотая рыбка, просто рыба, нет, я в тебя не верю, нет, рыба, нет, я верю в себя, я кукушка, я знаю и тебе повторяю, нет, кроме себя, я верю только в новую луну за оконным стеклом, мне не приходилось до сих пор этого видеть, потому что нет окна, откуда она видна, но вера в нее сильна, я верю в это и верю в себя, о да, я верю, что вижу насквозь, и я верю, верю, верю.

Нет, я не верю ни в рыбу, ни в карлика, ни в паука, только не я, потому что я, я кукушка, и я, я, я.

Вскричал паук. Вы не верите в меня, все верят в меня, вы не верите в пауков, не верите в меня, бред. Я верю в себя, а не в то, что оденешь одежду наизнанку, жди проблем спозаранку, а исправишь ошибку, горевать будешь шибко, а что я утверждаю, если оденешь одежду наизнанку, жди удачи спозаранку, но если исправишь на сторону правую, все пойдет до-

рогой неправою. Но что я могу сделать – я паук, зеленый или серый, я ношу каждый день одну и ту же одежду, и мне не дозволено совершить ошибку, но я верю, о, я верю, если вы наденете одежду наизнанку, все что вы будете делать, пойдет замечательно, как бы там ни было каждый должен верить мне, пауку, конечно, люди мне верят, паук ночью, услаждаются очи, паук поутру, все не к добру, так приятно осознавать, что это правда, не то, что верить золотой рыбке, карликам или кукушке, ох-ох, это все я, не важно, что они пытаются уверить других и себя, это я, я, я.

Карлики сказали, О ком это вы толкуете, вы все, мы, карлики, стоим у истока, с нас все начинается, и мы верим во все, да, мы верим, мы верим в язык цветов, и мы верим в счастливый камень, мы верим в фазаньи перья, верим и в звезды, мы верим в чайные листья, мы верим в белую лошадь и рыжеволосую девушку, мы верим в луну, мы верим в красное небо, верим в собачий лай, верим во все смертное и бессмертное, мы верим даже в пауков, в золотую рыбку, в кукушку, мы, карлики, верим во все, во всех и всё, все и каждый одинаковы, мы все, весь мир таков же, как и мы, карлики, все в мире верят во все, и мы тоже, и весь мир верит в нас и в вас.

Все в комнате притихли, и Эндрю сильно разволновался, и посмотрел на Иду, и так обстояло дело.

Часть шестая

Удача и неудача.

Неудача, а потом удача.

Ида отдыхала.

Она была почти Ида была готова почти хорошо.

Она знала, что все в порядке, когда все устраивалось очень хорошо.

Приведя все в желанный порядок, она любила быть в одной комнате, и чтобы он был в другой, и разговаривать с ним так, отдыхая. Вот тогда-то она устраивалась очень хорошо. Устраивалось не все, но порядок не нарушался, она устроилась очень хорошо.

У Эндрю была мать.

У одних еще жива мать, у других уже нет матери, но у Эндрю мать еще была.

У него добра было немало.

Да невесты не хватало.

Весной цветы сменяют друг друга с необычайной быстротой, а дольше всех, если их не срывать, цветут фиалки.

У Эндрю была своя жизнь, он не бывал в одиночестве, его никто не оставлял, он не бывал энергичен, не бывал тих и не бывал печален.

Он был Эндрю.

Так уж сложилось, что он никогда никуда не ходил, если не знал заранее, что туда направляется, но на сей раз он знал, он пошел увидеть Иду, а когда явился, получилось, будто он собирался увидеть Иду. Потому, естественно, он всегда здесь был.

Эндрю знал, что был первым Эндрю.

Он нервно раскашлялся, хотя не нервничал.

У него был спокойный голос, но говорил он громко.

Он вел обыкновенную жизнь, но делал, что делал, как будто так и сделает, и всегда делал. Упрямый, можно сказать. Ну, если вам так хочется. Он утверждал, что упрямый не то слово.

Ида никогда не высказывалась, она просто говорила, что хотела. Дорогая Ида.

Все началось, не мало-помалу, но началось.

У кого есть дома́, спросил Идин друг.

Все рассмеялись.

Но, заметил Эндрю, когда ты говоришь, я понимаю.

Никто не рассмеялся.

Смеяться было не принято.

У троих разговор оживленнее, чем у двоих.

А всегда было по меньшей мере трое.

Такова была привычка Эндрю.

У Иды не было привычки, она отдыхала.

И мало-помалу кто-то узнал.

Как это приятно, если не кланяться.

У Иды была странная привычка. Она однажды услышала, что альбатросы, птицы, чье название ей нравилось, перед тем как что-то сделать, всегда кланяются. Ида кланялась таким манером пред всем, что ей нравилось. Если у нее была шляпа, которая ей нравилась, а у нее их было много, но если шляпа ей нравилась, Ида клала ее на стол и кланялась ей. У нее было много платьев, и иногда какое-нибудь особенно ей нравилось. Тогда она клала его куда-нибудь и кланялась ему. То же с драгоценностями, но на самом деле платьям и шляпам, особенно шляпам, а порой особенно платьям. Никто об этом не знал, совершенно точно никто, и уж точно не Эндрю, если кто и узнавал, то по чистой случайности, потому что когда Ида отвешивала поклон шляпе или платью, она не произносила ни слова. Служанка могла знать, но, естественно, никогда не слышав об альбатросах, ничего бы не поняла.

О да сказала Ида, отдыхая. Естественно, она никогда не кланялась, отдыхая, а она всегда отдыхала, когда были они.

Дорогая Ида.

Так уж получилось, что каждый день для Иды был субботой.

И постепенно все пришло к тому, что даже для Эндрю каждый день стал субботой. Для Эндрю суббота никогда не была особенным днем, но постепенно стала суббота, а затем каждый день стала субботой, как уже произошло с Идой.

Конечно, некогда была песня, будет вечно воскресенье, дайте срок*.

Ида конечно знала это о субботе, всегда знала, а теперь постепенно узнал и Эндрю. Он, конечно, гулял каждый день, даже если каждый день была суббота. Не изменишь все, даже если все меняется.

Теперь всякому стало бы понятно, какой прежде была жизнь у Эндрю, какова жизнь Эндрю и какой станет жизнь Эндрю.

Эндрю был замечателен, пока все взаправду так и было. А так оно и было.

Суббота, Ида.

Ида никогда не говорила некогда жил-был. Эти слова ничего для нее не значили. Вот что говорила Ида. Ида говорила да, затем Ида говорила о да, а затем Ида говорила я сказала да, а затем Ида говорила да.

Однажды, разволновавшись, Ида сказала, я знаю, что делаю, я взаправду знаю, да.

Вот как она сказала, разволновавшись.

---

* Цитата из госпела Боба Миллера «Будет вечно воскресенье, дайте срок» (Everyday will be Sunday, bye and bye).

Часть седьмая

Эндрю знал: никому не хватит грубости не запомнить Эндрю. И это правда. Его помнили. До последнего времени. Сейчас Эндрю не помнят. Но Эндрю знал, никому не хватит грубости не запомнить. И, в общем, то было правдой.

Но опять-таки.

Эндрю никогда не надо было думать. Ему никогда не надо было говорить, какой приятный день. Ведь день всегда либо влажный, либо сухой, холодный либо теплый, с дождем либо дождь просто собирается. Всего этого вполне хватало Эндрю, а Ида представления не имела о погоде. Поэтому они так хорошо и уживались.

Не было ни начала, ни конца, но каждый день наступал до или после другого дня. Каждый день.

Мало-помалу круги открывались, а открывшись, всегда закрывались.

Так уж обстояло дело.

Предположим, Ида была дома, а она была почти дома, а дома она отдыхала.

Эндрю только снился покой, но вам подтвердит любой что хоть проводил он с ней

день-деньской никогда не заходил к ней в покой, к тому ж она отдыхала.

Помимо прочего, Ида не любила двери.

Люди должны быть здесь, но не проходить через дверь.

Как только могла, Ида избегала мысли о том, что люди вошли через дверь.

Она не любила ходить на домашние званые обеды, поскольку нужно пройти через дверь. Ресторан другое дело, там и дверей-то не было. Комната Иде нравилась, но двери она не любила.

Эндрю был другим, он как ни в чем не бывало проходил через дверь, он проходил через дверь, он первым появлялся в дверном проеме и последним выходил через дверной проем. Дверные проемы и двери были для него естественны. Он и Ида никогда об этом не говорили, можно сказать, они вообще ни о чем не разговаривали и уж точно не говорили о дверях.

Французы утверждают, что дверь должна быть либо открыта, либо закрыта, но открыта дверь или закрыта, Иду не интересовало, ее не устраивало само наличие двери. Она не возражала стоять у дверной портьеры или в холле, но не любила двери. Это ощущение было так для нее естественно, что она никогда ни к кому не ходила. Она выходила, она любила выходить, но не через дверной проем. Так обстояло дело, такова она была.

Однажды она об этом заговорила, она сказала, если вы на открытом месте в доме и бе-

седуете с человеком, который вас слышит, это весьма приятно, вне дома или в доме очень приятно, но двери, двери неприятны.

Она не помнила, чтобы у нее всегда было такое отношение к дверям, она вообще-то о дверях ничего не помнила, не часто их упоминала, но они попросту ей не нравились.

Для Иды день не наступал следом за другим днем. Ида не воспринимала вчера или завтра, она не замечала ни месяцев, ни лет. Да и зачем, она ведь всегда оставалась такой же, что бы ни случилось, она тут, никаких дверей, отдых и все происходит. Иногда, да, что-то происходило, она знала, за кем она замужем, но это не значит, будто что-то происходит, она знала о нарядах и отдыхе, но и это не значит, будто что-то происходит. На самом деле, на самом-то деле не происходило ничего и никогда, хотя все знали, что-то все-таки происходит.

Зимой было темно, летом светло, но для Иды это обстоятельство не имело значения. Если кто-то говорил ей, знаете, они ужасно добры, Ида всегда могла ответить, я знаю, мне такая доброта не нравится. Она старалась быть приятной и была, но что касается такой доброты, ну, да, она знала такую доброту.

Ее пригласили на званый обед, а она не пошла, ее муж пошел, тогда она была замужем, и он носил обручальное кольцо. Мужья нечасто носят обручальные кольца, но он носил. Когда он вернулся, Ида узнала, что он надел обру-

чальное кольцо, не очень-то идет тебе, сказала она, а он ответил, о, да, еще как.

Три события произошли с Идой, они произошли вдали от нее, хотя и не совсем, ведь Ида любила отдыхать и быть здесь. Она всегда была.

В сравнении с этим Эндрю был ничем и всем, Эндрю знал кучу добрых людей. Добрым людям нравятся двери и дверные проемы, и Эндрю тоже нравились. Эндрю думал об Иде и дверях, и с чего это он, ведь двери были. Но для Иды дверей не было, а будь двери, не было бы Иды. Как отдыхать, когда рядом двери! А отдых штука приятная.

Жизнь Иды и Эндрю мало-помалу продолжалась.

Казалось, все то же самое, но то же самое тоже было не то же самое. Откуда кому знать, никто не мог знать, и все же. Ну нет, не так.

Ида начала говорить.

Она никогда не начинала, но временами разговаривала, она не понимала, так она говорила, она не сидела, так она говорила, она не вставала, так она говорила, она не выходила и не приходила, так она говорила. И все это было вполне взаправду.

Это была Ида.

Дорогая Ида.

Ида дружила со всеми своими мужьями, Ида всегда дружила со всеми своими мужьями.

Она навсегда запомнила, что первой ее настоящей шляпой был тюрбан из фиалок. А второй настоящей шляпой был тюрбан из маков.

Отчего поначалу она интересовалась фиалками, но постепенно перестала. Ей нравились фиалки и гелиотроп, затем дикие цветы, потом ей нравились туберозы, потом орхидеи, а потом она перестала интересоваться цветами.

Конечно, она не интересовалась. Цветы должны оставаться там, где растут, у них же отсутствует дверь, через которую надо проходить, вот и пусть они остаются там, где выросли. Она больше интересовалась птицами, чем цветами, хотя по-настоящему и птицами не интересовалась.

За все, что ей дарили, она благодарила, ей нравилось благодарить, кое-кто этого не любит, но она любила и любила, когда благодарили ее. Да, говорила она.

Она старалась сидеть неподвижно, когда благодарила сама или благодарили ее, так лучше.

Кое-кто любит стоять или двигаться, когда благодарят сами или их благодарят, но не Ида, она не отдыхала по-настоящему, когда благодарила сама или благодарили ее, но она сидела.

Никто не знал, как Ида поступит, хотя она делала одно и то же и одним и тем же образом, и все равно никто не знал, как Ида поступит или что скажет. Она же говорила да. Вот что Ида говорила.

Все знали, что не забудут Эндрю, но правда ли это?

Уверенности нет.

В подобном деле необязательно быть уверенным, пока это происходит, а этого не происходило.

Приходи, Эндрю, сказала Ида.

Эндрю пришел.

Не приходи, Эндрю, сказала Ида. Ида сказала, что Эндрю не придет. Эндрю пришел.

Эндрю никто не приводил, но постепенно он стал приходить и пришел, и когда Ида сказала не приходи, он пришел. Это было естественно, поскольку он уже познакомился с Идой. Все, кто знал Иду, приходили, хотя им Ида не говорила приходите. Эндрю она сказала да, приходи, и Эндрю пришел.

Для Эндрю такая жизнь, приходить, что с ним теперь и случалось, не была естественной, но он взялся приходить и с тех пор больше ничего не делал, только приходил. Ему полагалось делать что-то еще, но он не делал, он лишь приходил.

Мало-помалу получилось так, что кроме своих послеобеденных прогулок он ничего не делал, только приходил. Мало-помалу Эндрю перестал делать все остальное.

Она пыталась прекратить, не что-нибудь, прекратить пыталась, но как она могла прекратить, если все время отдыхала, как она могла помешать Эндрю приходить.

И таким образом, вероятно, и вправду все могли забыть об Эндрю.

Это произойдет не мало-помалу, но взаправду может произойти.

Даже в книгах люди могут оказаться грубы и забыть Эндрю, но не теперь. Эндрю сказал не теперь и Ида сказала, что Эндрю сказал не теперь, и Ида сказала, она сказала не теперь, но на самом-то деле Ида не говорила не теперь, она просто сказала нет.

Ида часто вздыхала, не очень часто, но вздыхала, и когда кто-нибудь приходил, она говорила да, я всегда говорю да, если вы говорите нет, значит, вы говорите нет, а если вы говорите да, тогда просто говорите да.

Это было естественно, и Ида была очень естественна.

Столько всякого произошло, но ничего не произошло с Идой.

Дабы что-нибудь произошло, необходимо выбирать, а Ида никогда не выбирала, как ей выбирать, можно выбирать шляпу, можно выбирать другие вещи, но это не выбор. А чтобы выбирать, да, чтобы делать выбор, Ида никогда не выбирала. А затем все выглядело так, будто произошло, и в самом деле произошло, и происходило, и продолжало происходить. Очень волнительно, Ида была взволнована, и Эндрю тоже, и его могли звать Уильям.

У него было много имен, у Эндрю, и одно из них Уильям, но когда он стал Эндрю первым, он уже не мог быть Уильямом.

Ида потихоньку подумывала, пусть бы он был Уильям, легче произносить Уильям, чем Эндрю, а Иде, естественно, приходилось называть его по имени. Каждый раз, когда Энд-

рю приходил или уже был там или еще где, ей приходилось его называть, и если б его звали Уильям, ей было бы легче произносить. Как бы там ни было, произносить Эндрю довольно легко, и она говорила Эндрю.

Иногда она обращалась к нему Энди, а иногда Хэнди Энди*, очень удобно иметь Энди, и Эндрю нравилось такое обращение. Естественно, оно пришлось ему по душе.

Не так-то легко менять образ жизни, большей частью ничего не происходит, но когда происходит, жизнь совсем другая.

Ида и Эндрю не подозревали, но оказалось, что им предстояло вести иную жизнь, и однако опять-таки не совсем.

Если один да, тогда другой нет, а если второй да, тогда первый нет.

И вот что происходило.

Если у них заводились друзья, то их было очень много.

Их всегда окружали люди, Эндрю, когда он приходил или уходил и где бы ни находился, Иду люди не окружали, но она никогда не бывала одна, а когда они были вместе, их всегда окружали люди.

И это вполне естественно, ибо Эндрю всегда был, и это вполне естественно, ибо Ида всегда была.

С ними были мужчины и с ними были женщины, с ними были мужчины и женщины.

---

* Хэнди (*англ.* Handy) – удобный в пользовании.

Вот поэтому Ида и сказала, давайте поговорим.

Вот поэтому Ида и сказала, мне нравится знать, что я люблю одно, я люблю говорить что-то, и он слышит меня.

Вот поэтому Ида и сказала, я никогда не могла, хотя людям не хотелось приходить.

Вот поэтому Ида и говорила, здравствуйте, входите пожалуйста. Вот поэтому Ида и говорила, да, если надо что-то сделать, я всегда могу попросить Эндрю, и Эндрю всегда сделает все, что я попрошу, и оттого я зову его Хэнди Энди.

Ида никогда не смеялась, лишь улыбалась, временами зевала, временами закрывала глаза, иногда открывала их и отдыхала. Вот что делала Ида.

Казалось, ничего не могло измениться, ничего не могло изменить Иду, это правда, а если это правда, могло ли что-нибудь изменить Эндрю.

В каком-то смысле ничего не могло, но он мог перестать быть Эндрю, а если так, Ида не звала бы его Хэнди Энди, и вообще говоря, когда он перестал быть Эндрю, она и не звала его Хэнди Энди. Она звала его Энди, звала его Эндрю, но это не то же самое.

Но так было вполне естественно. Естество не естественно, и это вполне естественно.

Ида знала, то есть она тогда точно не знала, но все равно знала людей, готовых прийти на помощь.

Чем больше у людей дом, тем скорее они готовы прийти на помощь.

Ида, может, и сама могла бы к такому заключению прийти, но тогда не смогла бы отдыхать.

О боже, часто повторяла она, о боже, разве не странно.

Более того, она не нуждалась в помощи, но нужда в помощи могла возникнуть, и если нужда возникла бы, она попыталась бы справиться сама, а если бы она попыталась справиться сама, тогда ей определенно понадобилась бы помощь.

Оставим это, сказала она всем, и оставила. Несомненно. Но весьма постепенно Эндрю, не Иде, удалось разрешить эту проблему, и Эндрю это принесло кучу неприятностей, не Иде, а Эндрю.

Так и случилось, и стало для Иды поводом для беспокойства, потому что она увидела Эндрю с противоположной стороны.

Никто не знал происходило это медленно или нет. Может, медленно, а может, и нет.

Как-то спустя длительное время Ида внезапно встала.

Когда она встала, это было внезапно, и она уехала, недалеко, но уехала. Такое неким образом однажды случилось. Она сидела, просто сидела, и ей сказали, если выглянешь в окно, увидишь солнце. О да, сказала Ида, а они спросили, ты любишь солнечный свет или дождь, и Ида ответила, что лучше всего она любит

сидеть. Она, конечно, сидела, отдыхала и любила это больше всего.

Они сказали, ну, кто угодно сказал, этого более чем достаточно. О да сказала Ида, мне нравится так, да, мне нравится, мне нравится так.

Кто-то сказал, ну, давайте продолжим. Нет, сказала Ида, я всегда говорю нет, нет, сказала Ида. Почему нет, спросили ее. Ну, если вы уходите. Мы не сказали, что уходим, ответили ей. Хочешь верь, хочешь нет, но мы не говорили, что уходим. Ну вот, сказала Ида, то же чувствую и я. Правда, спросили они. Да, ответила Ида, я чувствую точно так же.

Но внезапно встала она не тогда. Гораздо позже. Она не испугалась, залай внезапно собака, Ида бы не шелохнулась. Она никогда не пугалась ни с того ни с сего. Если бы пугалась, но она никогда не пугалась.

В конце концов, если она вставала внезапно, но она не так часто вставала. А внезапно встав, она ушла.

Это, вообще говоря, мало что изменило.

Более чем достаточно она никогда не говорила, но однажды, ну правда, однажды она внезапно встала, а внезапно встав, ушла.

Никто никогда не слышал, чтобы Эндрю упоминал, что сделал, потому что он никогда этого не делал.

Все постоянно что-то говорили, они предлагали, давайте опять, и они снова встречались.

Ради этого они и приходили, конечно, никакого начала и не было, и это удача.

Ида была удачливой, хоть это и не играло большой роли. Это и впрямь было не так уж важно, не очень.

Поэтому случилось это постепенно или нет, этого было недостаточно, потому что никого не напугало. Может, они осторожничали, Ида вот осторожничала.

По причине чего она никогда не беспокоилась, маловероятно, чтобы беспокоилась.

Однажды она сказала, сувенир мой храня, не забудь про меня, она любила так выражаться. Приятно.

По причине чего она отдыхала. Однажды она внезапно встанет и уйдет, но не прямо сейчас. Не сейчас.

Они могут обменяться мнениями, и то сказать, она знала больше о шляпах, чем о коровах.

Эндрю же интересовали коровы и лошади. Но, в конце концов, куда важнее было, как они сидели. Хотите верьте, хотите нет, но они сидели вместе.

Часть восьмая

Что ж, сказал он, Эндрю сказал, что не может обойтись без Иды. Ида сказала да, и если она говорила да, она и имела в виду да. Да, Эндрю не мог обойтись без Иды, и Ида сказала да. Она знала, что может внезапно уйти, но она сказала да.

Более волнующей история не стала, но теперь в ней было больше да, чем прежде.

Ида же сказала да.

Эндрю не нервничал, то есть его легко кидало в дрожь, но он не нервничал. Ида нервничала, поэтому сказала «да». Если вы отдыхаете и говорите да, можно и нервничать, и Ида нервничала. Ошибки не было, она нервничала. Она не снова разнервничалась, она просто нервничала. Говоря да, она не нервничала. Отдыхая, нервничала. Почти как всегда сказала она, сказала, почти как всегда, но никто не спрашивал, хорошо ли она себя чувствует, все и так знали, что она чувствует себя почти как всегда.

Случилось так, что, уйдя, она вернулась. Ну, она вышла, а выйдя, вернулась.

Как бы там ни было, пришла-ушла, Ида поступила не так.

Когда она вышла, она пришла.

То было не просто в самом начале, но выглядело так позднее, единственный раз было по-другому, когда она внезапно встала, что случилось вскоре.

Итак, Эндрю, ну, Эндрю не был беспечен, ни при каких условиях Эндрю не становился беспечен.

Он был очень подготовлен.

Ни Эндрю ни Ида не изумились, но удивились. Это их объединяло, они удивились, но не вдруг, а просто удивились.

Они не изумились, узнав, но удивились.

Вот что случилось.

У Иды была тетя, она помнила, что у нее есть тетя, но та не поддерживала с ней отношений, совершенно никаких. Практически никаких.

Ее тетя, ну, ее тетя временами думала иначе, хотя и не часто, но на самом-то деле это никак не касалось Иды или того, что случилось.

А случилось вот что.

Ида все больше вновь становилась Идой. Она даже говорила, что она Ида.

Что, удивились они. Да, подтвердила она. И ее спросили, почему ты говоришь да. Я говорю да, сказала она, потому что я Ида.

Дело приняло волнительный оборот. Не просто волнительно, а чрезвычайно волнительно. Каждый раз она говорила да, а она говорила да каждый раз, когда говорила, и вся-

кий раз, когда она говорила да, это было очень волнительно.

Ида даже разволновалась, не совсем уж, но взаправду разволновалась. Даже Эндрю разволновался, а что до остальных, они разволновались все.

В разговорах у Иды всегда наблюдалась склонность говорить да, а сейчас она и говорила, иногда говорила даже о да.

Все разволновались, просто необычайно, до чего все разволновались, все так разволновались, что бросили все дела и полностью отдались волнению.

Ида волновалась, но не чересчур. Временами она не волновалась, но всегда говорила да.

Эндрю волновался, он не волновался, когда гулял, но волновался довольно часто. Ида ведь и в самом деле сказала да.

Они, конечно, выходили вместе, но появились осложнения, чем сильнее он волновался, тем быстрее шагал, а чем сильнее волновалась она, тем она шагала медленнее, и она не могла идти быстрее, а он не мог медленнее. Но это ничего.

День за днем жили они. И Ида. Так жили все. Кое-кто из друзей смотрел на облака, бывало, приходят и говорят, нынче вечером я видел облако, похожее на охотничью собаку, а другой говорил, что видел облако, похожее на дракона, а еще один говорил, что видел облако, похожее на видение, а еще один видел облако, похожее на королеву. Ида от-

вечала да, Эндрю говорил очень мило. Они любили, когда люди приходили рассказать о том, какие облака видели. Кто-то видел облако, похожее на рыбу, кто-то видел облако, похожее на носорога, почти все они видели облако.

Иде было приятно, что они приходят и рассказывают, какие облака видели и на что эти облака были похожи.

Ида жила изо дня в день, так жили все, но все равно, день, как бы это сказать, день для Иды не был целым днем, ей нужны были только часть дня и часть ночи, а остальное не нужно. Им, может, и да, но ей нет.

Эндрю не нуждался в дне или ночи, но использовал и день и ночь, он не использовал их до дна, но по большей части, необходимо было использовать все время, и всегда было устроено так, что он делал все необходимое, и он делал. Он обязан был использовать всю ночь и весь день, каждый день и каждую ночь. Так было правильно.

Ида выбирала только ту часть дня и ту часть ночи, которую хотела использовать.

И правильно.

Они так не говорили, но так говорила она, и вот почему она говорила да.

Затем что-то произошло.

А произошло вот что.

Каждому стало чего-то недоставать, и как ни толкуй, то не был поцелуй, можно голову дать на отсечение, не поцелуя всем недоста-

вало. Но возможно как ни толкуй нужен был именно поцелуй.

Короче говоря, что-то произошло, и все разволновались, поскольку это что-то было нечто и оно произошло.

Началось постепенно, затем стало происходить, затем происходило все быстрее и продолжало происходить, а затем произошло, взаправду произошло, а затем оно уже произошло, а затем происходило, а затем, ну, в общем, произошло окончательно, только теперь этим никто не интересуется.

И все это вроде бы странно, но истинная правда.

А началось, когда все поняли, что им чего-то было мало, поцелуя не хватало, но вряд ли, на самом деле никто вчистую не скучал по поцелую. Уж точно не Ида.

Иду это не интересовало, она отдыхала, а затем это началось, очень-очень медленно, а затем произошло, еще как произошло, и все знали, что оно произошло.

Дорогая Ида.

Что произошло.

А произошло вот что. Все думали, будто все понимают, что произошло. Все и в самом деле знали, именно это и произошло. Ничего не было упущено, то есть Ида не сделала ничего, Эндрю не сделал ничего, но что было упущено, ничего.

Когда что-то происходит, ничего не начинается. Когда нечто начинается, ничего не про-

исходит, и касательно Иды можно утверждать, что ничего не начиналось.

Ничего никогда не начиналось.

Отчасти это и отчасти ничего более. И никогда не требовались оправдания. Оправдываешься, только если начинаешь или кто другой начинает, но Ида, ну, она никогда не начинала и никто другой не начинал. Эндрю, хотя и стал иным, был таким же, ему весь день не сиделось, а Ида весь день отдыхала, но ни ей, ни ему не пришлось начинать. Поэтому в каком-то смысле ничего не произошло.

Такова была ситуация, ничего не произошло, все целыми днями и каждый день только и болтали об Иде и Эндрю, но ничего произойти и не могло, поскольку ни она, ни он так и не начали.

Удивительно, как вещи накапливаются, даже если ничего не добавляется. Совершенно удивительно.

Предположим кто-то приходит и, предположим, говорит, ну, как мы сегодня? Предположим, так говорят. Разницы никакой, но предположим, они все-таки говорят так. Кто-то другой тоже входит и говорит то же самое, ну, как мы сегодня? Если Ида не ответила первому, она не может ответить и второму, потому что всегда следует ответить первому, прежде чем ответить второму.

И даже будь еще третий, а он обычно бывает, и четвертый, и пятый, и даже шестой, и каждый скажет, ну, как мы сегодня, впол-

не естественно, что Иде нечего сказать. Она не ответила первому, а если к тому же отдыхаешь, не поспеваешь за разговором, поэтому ей нечего было сказать. Да, говорила она. Вполне естественно, что она говорила да, потому что не поспевала за разговором, ничего не прерывала, ничего не начинала и ничего не прекращала.

Да, говорила Ида.

Кажется, что все по-прежнему, но, конечно, можно убежать, даже если отдыхаешь, можно убежать. Совсем необязательно, но можно. Можно убежать, даже если говоришь да. И если убежишь, никогда не возвращаешься, даже если тебя неотступно преследуют.

Так могла поступить и Ида. Говорила бы да и отдыхала, и ничего бы не произошло, и ничего бы не началось, но она могла убежать. Не всякий мог бы, но она могла и убежала.

Что же произошло.

До того как она убежала.

На самом деле она не убежала, она не ушла. Случилось что-то среднее. Она взяла зонтик от дождя и зонтик от солнца. Все знали, что она уходит, но это не совсем верно, на самом деле не знали, что она уходит, но она ушла, они знали, что она уходит. Все знали.

Она ушла, то есть исчезла, и когда это произошло, естественно, все заволновались. Так было лучше. Дорогая Ида.

Мало-помалу ее не стало здесь, она была где-то. Мало-помалу.

Это произошло мало-помалу и внезапно. Но и не совсем внезапно, потому что она не была совсем здесь, прежде чем оказалась где-то.

Вот как это произошло.

Прежде чем это произошло, в общем-то задолго до того, она встречалась с женщинами. Когда они пришли, она отдыхала, когда они уходили, она отдыхала, ей так нравилось, а они не возражали. Они пришли снова, и когда они пришли снова, она была любезна, она говорила да. Она извинилась, что отдыхает, извинилась и сказала да. Она решила, что это им понравится, и им понравилось, хотя было бы иначе, скажи она нет хотя бы раз в жизни или не отдыхай она все время.

Не отдыхай она все время, они бы не пришли и не пришли бы опять. Уходя, они сказали, спасибо, дорогая моя. Она сказала да, Ида так сказала, и она повторила да.

Так обстояло дело до того, как она ушла, на самом деле они не приходили и не говорили спасибо, дорогая моя.

Вот в этом и взаправдашняя причина, почему Ида сбежала, не сбежала и не ушла, а что-то среднее. Она была готова отдыхать и была готова говорить да, была готова услышать от них спасибо, дорогая моя, но они почти не пришли опять.

Итак, Иды не было. Дорогая Ида.

Она знала, что ее не будет, но не по-настоящему, но прежде чем она узнала, что будет там, куда ушла, ее и в самом деле не было.

Это почти изумляло, ее-то уж точно, но как только ее не стало, остальные изумлялись не так.

Конечно, по дороге она и завтракала, и обедала.

Одна из трапез была такая.

Она съела крабов с мягким панцирем, две порции крабов, и омара а-ля Ньюбург, она съела только одну порцию омара и ушла.

Поев, она часто уходила. То есть когда не отдыхала, а она в основном отдыхала.

Итак, вот она там, а где же Эндрю, ну, Эндрю шагал быстро, а Ида медленно, когда оба нервничали, когда один нервничал. Но он еще был не там. На самом-то деле.

Ида отдыхала. Дорогая Ида. Она сказала да.

Медленно, мало-помалу пришел Эндрю, его по-прежнему звали Эндрю.

Он нервничал, как обычно, гулял каждый день и рассказывал о своей прогулке. Ида нервничала, как обычно, и отдыхала.

Некоторое время она не говорила да, а затем снова сказала да.

Постепенно это происходило, в общем, не так, как прежде, но происходило, довольно похоже, Ида отдыхала, говорила да, но не так часто, как прежде. Временами она не говорила да, временами не отдыхала, не подолгу, но временами.

Все это очень запутанно, но скорее запутанно, чем запутывает, и позже лишилось всякого интереса. Все это совсем не было запутанно,

отдых не был запутанным, и да не было запутанно, но интересно.

Когда кто-нибудь приходил, а люди приходили, Ида даже могла сказать здравствуйте и откуда вы.

Дорогая Ида.

А если они были ниоткуда, они и не приходили.

И хватит про отдых.

Мало-помалу все произошло. Были Ида и Эндрю.

Не очень много, не очень много Иды и не очень много Эндрю.

И недостаточно Иды и недостаточно Эндрю.

Живет ли Ида дальше, живет ли она, даже когда уже больше нет.

И нет, и да.

Ида отдыхает, но отдыхает недостаточно. Она отдыхает, но не говорит да. И с чего бы ей говорить да. Нет никаких причин говорить, так что и нечего говорить.

Она сидела, она не всегда отдыхала сидя, недостаточно отдыхала.

Но все-таки отдыхала.

Если она что-то говорит, говорит она да. Не раз не говорилось ничего. Она говорила что-то. Если ничего не говорится, значит, Ида не произносит да. Если она выходит, то приходит. Если она не уходит, она здесь и не уходит. Она одевается, возможно, в черное, почему бы и нет, надевает шляпу, почему бы и нет,

и другую шляпу, почему бы и нет, и другое платье, почему бы и нет, столько почему бы и нет.

Она надевает другую шляпу и надевает другое платье, а Эндрю рядом, и они входят вместе туда, где они сейчас. Они там. Скажите им спасибо.

Да.

Издательство Kolonna Publications/
Митин журнал представляет

Гертруда Стайн

АВТОБИОГРАФИЯ КАЖДОГО

Окрыленная успехом «Автобиографии Элис Б. Токлас», Гертруда Стайн решила написать сиквел: «И вот приходит время, когда я могу рассказать историю моей жизни». «Автобиография каждого» вышла в 1937 году и прежде не переводилась на русский язык. Стайн подробно рассказывает о своей юности, об отношениях с братом. Но особенно ее волнует трансформация собственной личности, случившаяся после выхода «Автобиографии Элис Б. Токлас». Детально описана поездка в США, перемены, происшедшие с Америкой за тридцатилетнее отсутствие Стайн. «Автобиографию каждого» Стайн заключает словами: «Быть может, я – это не я, даже если меня не укусит собака моя, но, так или иначе, мне нравится то, что у меня есть, а сейчас – сегодня».

Барон Корво

ТО, ЧТО РАССКАЗАЛ МНЕ ТОТО

Впервые на русском языке публикуются сочинения славившегося своей эксцентричностью Фредерика Роуфа (1860–1913), в том числе знаменитые «Венецианские письма», посвященные красоте каналов, гондол и юных гондольеров.

Издательство Kolonna Publications/
Митин журнал представляет

Гертруда Стайн

ВОЙНЫ, КОТОРЫЕ Я ВИДЕЛА

Вышедшая в 1945 году книга «Войны, которые я видела» завершает автобиографическую трилогию Стайн. Это размышления о французах, немцах и американцах, еде, собаках и поездах, садах, детях и бомбардировках, маршале Петене, Шекспире и святой Одилии.

Рональд Фирбенк

ИСКУССТВЕННАЯ ПРИНЦЕССА

Рональд Фирбенк (1886–1926) проводил свои дни в изысканной неге. Романы он сочинял на почтовых открытках в украшенных цветами номерах отелей. Его передвижения по миру были непредсказуемыми. «Завтра отправляюсь на Гаити. Говорят, президент там Настоящий Душка!» – сообщала телеграмма, которую получил от него приятель. На торжественном ужине, устроенном в его честь, патологически пугливый писатель решился проглотить лишь одну горошину. Он почитал слово «отдохновенный» и все книги, которые ему нравились, называл отдохновенными. В серии Crème de la Crème впервые по-русски: два романа Рональда Фирбенка и Фирбенкиана – воспоминания друзей писателя о его причудах.

Издательство Kolonna Publications/
Митин журнал представляет

Эдвард Морган Форстер

ФАРОС И ФАРИЛЛОН

Британский писатель Эдвард Морган Форстер (1879–1970) был одним из создателей «александрийского мифа» XX века. Его усилиями египетский город, живущий торговлей «хлопком, луком и яйцами», в котором, казалось бы, не осталось ничего от города Александра, Клеопатры и Антиноя, превратился в одну из важных тем европейской литературы. Форстер разглядел в скучной улице Розетт, безуспешно пытающейся подражать парижским бульварам, Канопскую дорогу города Александра Великого, а в обитателях городского дна – персонажей александрийской поэзии.

Тони Дювер

ВЫСЛАННЫЙ

Роман Тони Дювера был написан во Франции, охваченной молодежной революцией. И сама эта книга революционна. Дювер взорвал синтаксис и дал слово «высланным» – изгоям, которые прежде не имели права голоса. Персонажи романа – люди ночи, ищущие любви под парижскими мостами и на бульварах, мужчины, которым «слишком трудно хранить верность, если возле

дома есть общественный туалет». Их голоса переплетаются, и все они рассказывают одну историю о похоти, которую невозможно утолить.

Габриэль Витткоп

ХЕМЛОК, ИЛИ ЯДЫ

Шедевр Габриэль Витткоп (1920–2002), роман-лабиринт с пересекающимися тропами, посвящен драматическим судьбам Беатриче Ченчи – итальянки позднего Возрождения, маркизы де Бренвилье – француженки эпохи Людовика XIV и миссис Фулхэм – англичанки эдвардианской эпохи. Их связывают навязчивые видения, места, предметы и лейтмотивы, создающие единство за пределами хронологических рамок. И все трое связаны с нашей современницей – Хемлок.

Франсуа Сантен

УБИЙЦА И ЕГО ПАЛАЧ

Близкий друг Жана Жене Франсуа Сантен (1920–2010) рассказывает запутанную историю казненного в 1939 убийцы Мориса Пилоржа, которому Жене посвятил поэму «Смертник», и палача Анатоля Дейблера, внезапно скончавшегося по дороге на казнь Пилоржа.

Издательство Kolonna Publications/
Митин журнал представляет

Петер Надаш

КНИГА ВОСПОМИНАНИЙ

Петер Надаш (р. 1942) – прозаик, драматург, эссеист, широко известный за пределами Венгрии. В последние годы неоднократно фигурировал в числе основных претендентов на Нобелевскую премию по литературе. Роман «Книга воспоминаний» вышел в 1986 году после битвы с цензурой. «Величайшим романом современности и одной из самых великих книг XX века» назвала его Сьюзен Зонтаг.

Пьер Гийота

КНИГА

Пьер Гийота пишет «Книгу» с 1977 по 1979. В это время он погружается в глубочайший психологический кризис. Центральная тема «Книги» – проституция – больше не привязывается к месту и времени, а пронизывает все континенты и эпохи. Гийота вводит телесные реакции в саму структуру языка, где трансформации подвергается лексика, синтаксис, грамматика, пунктуация, спряжения глаголов. Литературный опыт Гийота близок к творчеству Антонена Арто, мечтавшего о том, чтобы поэтический язык был «чем-то средним между жестом и мыслью», «речью, запечатленной до ее словесного оформления».

Издательство Kolonna Publications/
Митин журнал представляет

Жиль Себан

ДОМОДОССОЛА. САМОУБИЙСТВО ЖАНА ЖЕНЕ

В итальянском городе Домодоссоле весной 1967 года Жан Жене пытался покончить с собой в гостиничном номере. 12 февраля 2007 года моего юного любовника арестовали без документов и посадили в тюрьму в Нидерландах. Два этих события соединились в сознании и стали меня преследовать.

Марсель Жуандо

НЕПРИСТОЙНЫЕ ПИСЬМА

Гетеросексуальность – это коммерция, индустрия; гомосексуальность – искусство. Древние греки запрещали гомосексуализм рабам. Что до меня, я хотел бы, чтобы он был дозволен лишь мудрецам.

Эрве Гибер

МОИ РОДИТЕЛИ

После выхода книги Эрве Гибер написал в дневнике: «Я стал преступником. Выхожу на улицу и понимаю: все будет не так, как прежде. Я теперь по-другому смотрю на людей, а они на меня. Я совершил преступление, а они еще не знают об этом. Меня ждет их суд и их приговор».

Издательство Kolonna Publications/
Митин журнал представляет

Габриэль Витткоп

ВЕЧНЫЙ АЛЬМАНАХ ГАРПИЙ

Гарпии вездесущи и всегда настороже, так что нам от них не ускользнуть. Они стары, как небо, и стары, как смерть. Гарпии – образ пожирающей Матери, космического существа, которое глотает и извергает в одном вечном двойном движении. Поэтому они родственны бородатым сиренам, богиням-змеям, изрыгающим большие реки, божествам хтонических глубин. Если вам снится, что вы едите печень гарпии, вы скоро умрете.

Эркюлин Барбен

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕРМАФРОДИТА

Судьба Эркюлин Барбен (1838–1868), мужчины, которого двадцать лет считали женщиной, – загадочна и драматична. Автобиографические заметки Барбен являются не только уникальным историческим свидетельством, но и в высшей степени захватывающим чтением. Во Франции они были подготовлены к печати знаменитым философом Мишелем Фуко для первой части задуманной им серии «Параллельные жизни».

Издательство Kolonna Publications/
Митин журнал представляет

Джослин Брук

ЗНАК ОБНАЖЕННОГО МЕЧА

Конец 1940-х годов. Европа ждет новой мировой войны. Рейнард Лэнгриш, скромный банковский клерк, втягивается в таинственную систему военных учений и против своей воли становится бойцом непонятно с кем сражающейся армии. Его однополчане носят знак обнаженного меча на предплечье. Но началась ли война или это темные иррациональные силы испытывают рассудок героя?

Джереми Рид

В ПОГОНЕ ЗА ЧЕРНЫМИ РАДУГАМИ

Знаменитый английский поэт реконструирует последние годы жизни Антонена Арто. В книге переплетаются монологи самого Арто, его психиатра Гастона Фердьера, жены Генри Миллера Джун и нимфоманки Дениз, которую Арто встретил в психиатрической больнице Родез в годы Второй мировой войны. Пятый персонаж романа, писательница Анаис Нин, повторяет историю своих увлечений, рассказанную в исповеди «Инцест».

Издательство Kolonna Publications/
Митин журнал представляет

Юлия Кисина

УЛЫБКА ТОПОРА

Москва – город будущего. Мерцающие хвосты черных комет, уходящие в небо – это знаменитые нефтяные фонтаны. По черным каналам плавают атомные субмарины и электрические гондолы. Жители этого города ходят, отсасывая у себя на ходу с легкостью индийских йогов. В небоскребы и тротуары вмонтированы настоящие бриллианты. Вместо Кремля – огромный бублик Большой Православной Мечети. Так представляет себе Россию будущего Юля Кисина. А перед вами ее книга о прошлом, которое агрессивно и хищно врезается в наше культурное тело, разрушая иллюзии о правдоподобии лучшей жизни.

Эрве Гибер

МАЛЬВА-ДЕВСТВЕННИК

Не сам ли Гибер скрывается за этими странными персонажами, меняющими имена и предстающими в образах юного девственника, пылкого любовника, жертвы землетрясения или ученика, провожающего великого философа до могилы? Наверняка не скажешь, поскольку на страницах книги есть и три женских портрета: консьержки

Издательство Kolonna Publications/
Митин журнал представляет

Мэме Нибар, которую преследуют невероятные несчастья, лукавой директрисы музея восковых фигур и молоденькой соседки, бросающей игру на пианино. В этой книге Гибер говорит без утайки, рассказывает всё о себе и других, то, о чем все думают и чего говорить не следует, и порой это даже больше, чем чистая правда.

Герард Реве

ПИСЬМА МОЕМУ ВРАЧУ

С 1963 по 1980 г. Герард Реве переписывался с врачом Яном Гротхёйзе, который помогал ему преодолеть депрессию, вести борьбу с Королем Алкоголем, лечил Реве и его милых мальчиков от различных недугов, а позднее стал психоаналитиком. Спиртное, религия и смерть – темы, которые доминируют в письмах Реве. Гротхёйзе опасался, что писатель наложит на себя руки, однако покончил с собой не пациент, а врач.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications» можно приобрести в *Москве:*

«Фаланстер», Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Циолковский», Большая Молчановка, д. 18
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5
«Индиго», ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Dodo», ул. Солянка, д. 1/2, стр. 1

в *Санкт-Петербурге:*
«Порядок слов», Наб. Фонтанки, д. 15
«Все свободны», Наб. Мойки, д. 28, второй двор
«Мы», Невский проспект, д. 20

через *Интернет:*
«Ozon» ozon.ru
«Книга» kniga.ru
«Лабиринт» labirint.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на *Украине:*
«Либра» librabook.com.ua